

МИГРАНТ, ИЛИ BREVI FINIETUR

МАРИНА И СЕРГЕЙ
ДЯЧЕНКО

Метаморфозы

Марина и Сергей Дяченко
Мигрант, или *Brevi finietur*

«ЭКСМО»

2010

Дяченко М.

Мигрант, или *Brevi finietur* / М. Дяченко — «Эксмо»,
2010 — (Метаморфозы)

ISBN 978-5-04-164125-2

«Мигрант, или *Brevi Finietur*» — третий, самостоятельный роман цикла «Метаморфозы», открытый бестселлером «*Vita Nostra*». Человек — это луч, у которого есть источник, но нет конечной цели. Андрей Строганов — мигрант с Земли. Он перенесся на вымышленную планету Раа, но не помнит, как. Цена визы — два последних года жизни. Как вернуться назад? И что случилось на брошенной Земле? Пока Андрей ищет ответы, Раа накрывает тьма. Теперь, чтобы выжить, мигранту придется сильно измениться. Марины и Сергея Дяченко — лауреаты множества литературных премий, их романы переведены на несколько языков. Роман переведен на Венгерский и Украинский языки. Книга года и лучшая отечественная книга 2010 года. Книга также получила премию Большая Филигрань 2011 года.

ISBN 978-5-04-164125-2

© Дяченко М., 2010

© Эксмо, 2010

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	27
Глава третья	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Марина и Сергей Дяченко

Мигрант, или Brevi finietur

© Дяченко М.Ю., Дяченко С.С., текст, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Новая редакция,
2021 год

Глава первая

Не было ни грохота, ни вспышки. Только что тянулась улица, туманная, влажная; облака чуть разошлись, и в длинной прорехе блестели, ничего не обещая, две-три звезды. Фонари отражались в темных окнах, в стеклах припаркованных машин и в мокром асфальте. Крокодил шагал, не глядя под ноги, из-под его подошв разлетались брызги – не сытые, чавкающие навозом брызги весенней удобренной почвы, но капли городских легкомысленных луж, подернутых радужной бензиновой пленкой.

И вдруг все ушло будто в вату: улица и звезды, фонари и асфальт. Крокодил прошел еще несколько шагов и остановился – справа и слева, откуда ни возьмись, выросли стены. В его легких еще остался мокрый воздух осеннего вечера, а ноздри уже вдыхали другой, суховатый и кондиционированный, начисто лишенный запахов. Над головой вместо фонарей зажглись синеватые лампочки. Крокодил в панике оглянулся – его мокрые отпечатки, числом четыре, ярко выделялись на полу длинного пустого коридора.

Быстро, в поисках выхода, он прошел коридор до конца. Мягко разъехались створки дверей, и голос, искаженный динамиком, произнес буднично и даже устало:

– Андрей Строганов?

– Да, – сказал Крокодил и потряс головой, пытаясь сообразить, что случилось и что теперь делать.

– Поздравляю, ваша заявка удовлетворена. Вы находитесь в Бюро Вселенской миграционной службы. Будьте добры, подойдите к сенсору и приложите ладонь.

Он огляделся. На лаковой стене пятипалый отпечаток вроде тех хулиганских клякс, что во времена его детства портили стены в новостройках. Поколебавшись, приложил к нему руку.

Стена дрогнула и исчезла.

Открылся маленький кабинет. Человек средних лет, полупрозрачный, сидел у дальней стены – и даже чуть влипнув в нее вместе с креслом. Человек был виртуальный, голографический. Стена – настоящая, бетон под скупой побелкой.

– Вы удивлены, Андрей Строганов, – сказал человек очень убежденно.

Крокодилу пришлось согласиться.

– Просмотрите запись, пожалуйста.

Без паузы посреди комнаты – на расстоянии протянутой руки от Крокодила – появилось изображение. Еще один человек. Уж кого-кого, а его Крокодил здесь ждал увидеть меньше всего.

– Привет, – сказал этот новый. – Блин... непривычно вот так обращаться... Слушай, не удивляйся, не злись. Я принял решение эмигрировать с Земли. Повезло, что есть такая возможность... Осталась такая возможность, – он быстро оглянулся на кого-то, стоящего у него за плечом и невидимого Крокодилу. – Можешь поверить – на Земле у тебя будущего нет. Это не эмоциональное решение, не истерическое, это глубоко обдуманное решение... Собственно, твое. Хоть и принятое чуть позже. Тебе все объяснят. Удачи!

Изображение исчезло. Крокодил еще несколько секунд смотрел в пустоту – туда, где только что видел себя, чуть похудевшего, немного нервного, но – себя, в этом не было никаких сомнений.

– Вот ваше заявление, – человек, влипший в стену, кивнул на конторку в углу комнаты. – Там же договор, подписанный вами и представителями Бюро. Правда, возникла некая тонкость... затруднение, мы обсудим его после того, как вы ознакомитесь с документами.

Крокодил подошел к конторке.

В пластиковой папке лежали аккуратно сложенные листы формата А4. «Я, Строганов Андрей Витальевич, будучи в здравом уме и твердой памяти, заявляю о своем желании наве-

гда покинуть Землю, третью планету Солнечной системы, переехать на постоянное место жительства в один из миров, пригодных для жизни существ моего вида, чье миграционное законодательство позволяет долгосрочное пребывание существ моего вида...»

Здесь ошибка, подумал Крокодил. Нужно уточнение перед словом «чье», иначе выходит грамматическая белиберда. А лучше вообще переписать всю фразу. А еще – хорошо бы проснуться, с тоской подумал Крокодил.

– Вы не спите и не бредите, – ласково подсказал утонувший в стене голографический человек. – Решение об эмиграции принято вами спустя два года после того дня, когда вы в реальности были изъяты. Эти два года вашей жизни пошли в уплату за визу, необходимые телепорты, а также оформление сопутствующих документов, медицинский осмотр и моментальное изучение языка. По-видимому, это были не лучшие два года вашей жизни. Когда вам сообщили, что с ними придется расстаться, вы не только не огорчились – обрадовались.

– Я обрадовался? – спросил Крокодил, чтобы хоть что-то сказать. Чтобы этот голографический не подумал, будто он спятил от ужаса.

– Несомненно, – сказал человек. – Теперь перейдем к делу. Вы выбрали для жительства мир под общим названием Кристалл, но вам не повезло – тамошняя миграционная служба внезапно изменила законодательство. Требования к новоприбывшим резко повысились, и, увы, вы перестали соответствовать этим требованиям.

– Я...

– Интеллектуальный потенциал, соотношение потребляемой и производимой энергии, устойчивость к перегрузкам – по сумме показателей вы оказались под чертой. Впрочем, как любой житель вашего домашнего, э-э, исходного мира. Так что Кристалл для вас теперь закрыт, но это не повод огорчаться – вот, у меня есть для вас на выбор два мира. Их мы тоже с вами первоначально обсуждали. Один – Лимб, технократический мир, традиционно привлекательный для землян. К сожалению, экологический баланс там оставляет желать лучшего. Но у вас ведь нет предрасположенности к легочным заболеваниям?

Голографический человек повел рукой, и посреди маленького кабинета возникла картинка – пространство серого мегаполиса, рельсы, трубы, огни; Крокодил мигнул. Картинка двоилась у него перед глазами.

– Другой мир – Раа, – человек снова повел рукой, и урбанистический бред сменился довольно-таки умиротворяющей зеленой полянкой. – Здесь возможности для продвижения поскромнее. Несравнимо, скажем так, меньше возможностей для карьеры человеку вашего склада. Но зато тишина, зелень, исключительно гуманное общество. К сожалению, предложить могу только эти два – остальные вам не подходят либо вы не подходите им.

– Одну минуту, – сказал Крокодил. – Вы сказали, что я был, как вы выразились, «изъят» за два года до того, как подал заявление на эмиграцию?

– Да.

– Но ведь это парадокс! Если я был изъят на два года раньше, значит, ничего не случилось, я не решил с какого-то перепугу покинуть Землю, я не писал заявления, я не мог быть изъят!

– Это парадокс, – подтвердил человек. – Но только в масштабах локального времени и локального пространства. Вы написали заявление, оно зарегистрировано и сохранилось, как видите, вместе с записью вашего личного послания себе. Затем два года вашей жизни были преобразованы в энергию, и – оп-ля! – за вычетом этих двух лет вы такой же, как были... События на Земле пошли по чуть-чуть другому пути, разумеется, но вы – не слишком значительная фигура в истории, Андрей Строганов. Не думаю, что кто-то заметил ваше исчезновение, кроме близких знакомых.

Ближних знакомых...

– У меня сын, – Крокодил охрип.

У него в самом деле был сын Андрей, правда, в последний раз они виделись три месяца назад. Светка увезла его в Англию... или в Германию? Хороший вопрос, он, помнится, давал разрешение на вывоз ребенка...

Или Светка пацана тоже на Марс вывезла?

Кто еще заметит его исчезновение? В редакции погорюют и забудут. Родителей нет давно. Соседи? Друзья?

– Так, – от его способности быстро соображать много сейчас зависело. – Насколько я понял, вы не в состоянии выполнить заранее принятые на себя обязательства? Отправить меня на этот... на Кристалл?

– В нашем договоре, – кротко возразил голографический, – указаны несколько пригодных миров. Несколько, на выбор, – Кристалл, Лимб, Раа. Поверьте, мы бы рады отправить вас на Кристалл, но они изменили условия, даже не поставив нас в известность. Это возмутительно, я согласен.

– Когда они изменили условия? – не сдавался Крокодил. – Два года тому вперед, когда я писал заявление? Или сейчас, когда я был изъят?

– Два года – всего лишь два оборота планеты вокруг светила, – сообщил голографический с еще большей кротостью. – Мы существуем в другой системе, поймите. Временные парадоксы для нас – источник энергии.

– Я могу вернуться? – быстро спросил Крокодил. – Забрать свое заявление? Отыграть все назад?

– Теоретически да, – человек погрустнел. – Но практически – вам нечем оплачивать эту операцию. Вам сколько лет, двадцать шесть?

– Двадцать семь.

– Все равно. Наличных лет не хватит, чтобы оплатить новые неизбежные согласования и справки, а главное – обратный телепорт с учетом пространственных возмущений. Пришлось бы взять половину жизни у каждого из ваших родителей... И все мероприятие на таких условиях теряет смысл.

Крокодил постоял немного, слушая звон в ушах.

– Вы совершенно напрасно туда стремитесь, – мягко сказал голографический. – Вы же сами слышали: на Земле у вас нет будущего. Возможно, что и у самой Земли с будущим, э-э, не очень.

– Почему? Что там случилось?

– А что всегда случается на Земле? Хм... Если честно, я не готов вам ответить. Дополнительные информационные запросы не были включены в контракт. Тем временем мы до сих пор с вами не решили, едете вы на Лимб или на Раа.

Снова замелькали цветные полупрозрачные картинки.

Крокодил зажмурился – и наугад ткнул пальцем.

* * *

– Добро пожаловать на Раа, – сказал сухощавый мужик лет сорока, усатый и смуглый, похожий на уроженца Латинской Америки. – Я офицер миграционной службы.

Крокодил вышел из капсулы и сел прямо на траву. Ноги не держали.

– Усталость после транспортировки? Культурный шок?

Крокодил мог поклясться, что смуглый говорит по-русски. Он попытался мысленно перевести его фразу... Хотя бы «добро пожаловать»... И не смог. По-английски вспомнил – «Welcome». Но английский – выученный язык... Не может же человек на Раа говорить по-русски?!

– Разрешите предложить вам помощь, – обеспокоенно сказал офицер.

Опираясь на его руку, Крокодил кое-как поднялся. Воздух здесь был хороший, дышалось легко. Пахло как в весеннем саду или в парке. Под ногами была трава, и вокруг трава, и зеленели кусты в отдалении, и живописно толпились огромные старые деревья. А еще поодаль виднелись хижины, похожие на первобытные жилища. Туземно-островная архитектура.

– Сейчас мы с вами пройдем в здание конторы... Предстоит обсудить неотложные вопросы: как вы будете жить, где, с каким уровнем гражданских прав... Возможно, вам потребуется консультация врача?

– Нет, – сказал Крокодил. – Мне только поспать.

Его отвели в комнату с плетеными стенами и циновкой на полу. На этой циновке, скрючившись, Крокодил заснул – будто выключился, на много часов.

* * *

– Это ваш временный документ, – на стол лег предмет вроде самодельного кулона из дерева на светлой металлической цепочке. – Надо носить на шее.

– Носить? – тупо повторил Крокодил.

– Да. Вам следует постоянно держать это при себе. На шее – удобнее всего.

Крокодил осторожно взял предмет. Повертел в пальцах. Понюхал. Смолистый запах, гладкая отшлифованная поверхность. Ни краски, ни лака. Можно разглядеть древесные кольца.

– Как это может быть документом?

– Здесь содержится полная информация о вас, вплоть до состава крови, а также контакты миграционной службы и технические заметки. Считывается либо специальным сенсором, либо офицером, прошедшим профессиональную подготовку, – собеседник Крокодила провел пальцем по древесному срезу. – Срок вашего пребывания на Раа – девять часов семь минут. Час Раа на две сотых меньше аналогичной временной единицы вашей родной планеты. Вы потеряли одну семьдесят седьмую часть веса за последние восемьдесят четыре тысячи ударов вашего сердца. Вы пережили, по-видимому, шок, но теперь нам надо решать важные вопросы, я хотел бы, чтобы вы сказали: готовы вы их обсуждать или вам еще нужен отдых?

– Я готов, – пробормотал Крокодил.

– Отлично. Важная информация: все жители Раа в возрасте, близком к совершеннолетию – в пятнадцать, шестнадцать или семнадцать лет, в зависимости от особенностей организма, – имеют право сдать Пробу, или, как мы говорим, пройти Пробу гражданина. Жители, выдержавшие испытание, получают соответствующий гражданский статус. Жители, по каким-то причинам не прошедшие Пробу либо отказавшиеся от ее прохождения, получают статус зависимых. Вы как мигрант не имели возможности пройти испытание. Предстоит решить: станете ли вы сдавать Пробу сейчас, или вас устроит статус зависимого, в котором, к слову, находится примерно одна пятнадцатая часть коренных жителей Раа.

– Меня не устроит статус зависимого, – сказал Крокодил и нервно сглотнул. – Почему во Вселенском Бюро... э-э... миграции мне не рассказали всего этого сразу?

– В Бюро Вселенской иммиграционной службы имеют дело с тысячами разновидностей разумных рас, – сказал офицер с ноткой сожаления. – Поэтому на такие мелочи у них никогда не хватает времени. Не вы первый жалуетесь, не вы последний. Люди выбирают Раа за комфорт и зелень... – он вдруг приятельски улыбнулся. – Кстати сказать, у нас действительно очень зелено и комфортно. Зависимые не подвергаются дискриминации. Не путайте их с рабами или невольниками, не стоит оценивать действительность Раа с точки зрения ваших культурных мифов.

– Люди выбирают Раа, – медленно повторил Крокодил. – У вас есть еще кто-то... с Земли?

– Из вашего мира? Случается. Не очень много, но есть. Хотите с ними поговорить? Советы соплеменников, успевших пожить на Раа, полезнейшая штука.

– Да, – сказал Крокодил, немного приободрившись. – Очень хочу.

– Я сброшу вам... виноват, я просто запишу вам на дощечке, пока у вас нету собственного коммуникационного средства, – офицер развернул на столе нечто, показавшееся Крокодилу раскатанным в тонкую лепешку тестом. Лепешка дрогнула, по ней поползли бороздки и трещины, и Крокодил понял, что в «тесте» возникла плотно заполненная таблица.

– Вот, мы видим, что один ваш соотечественник находится сейчас – живет – очень рядом... Близко. Мы пошлем ему запрос... Кстати сказать, я не знаю ни одного взрослого землянина, который прошел бы Пробу. Чисто физически, да и психологически, понимаете, это трудно для ваших. А вот дети мигрантов, которых готовят с малых лет, – те проходят, как местные, с тем же процентом отсева.

– Ни одного? – тупо повторил Крокодил.

Офицер развел руками:

– Я специально не занимался этим вопросом. Поговорите с соплеменниками, те наверняка объяснят подробнее. Окончательное решение – за вами, однако принять его следует не позже чем через семь суток после прибытия на Раа. Тогда ваш статус будет утвержден окончательно: если зависимый, то от кого. Если претендент на прохождение Пробы – то в какие сроки.

– Наверное, стоило выбирать Лимб, – сказал Крокодил с тоской.

Офицер склонил голову к плечу.

– Андрей, – сказал, тщательно выговаривая имя. – С Лимба к нам тоже приезжают на постоянное жительство. Семьями. О чем-то это говорит, а?

* * *

Не то эльфы. Не то буколические туземцы. В принципе, могло быть и хуже, думал Крокодил. Хоть бы не заставили носить пальмовую юбку и ожерелье из акулиных зубов. Одно «ожерелье» у меня уже есть – деревяшка на цепи. Удостоверение моей глубоко потрясенной личности.

Из помещения, определенного им как «офис принимающей стороны», он спустился по деревянным ступеням прямо в лес. Огляделся. Оступился, покачнулся, снова обрел равновесие. Понадежнее утвердил ноги на плотном, как щетка, травяном ковре.

Было тепло. Даже, пожалуй, душновато. Крокодил только теперь сообразил, что прибыл на Раа на рассвете, очень свежим утром. Теперь выяснилось, что после полудня в этом лесу бывает жарко, над густой травой, над кустами поднимается реденький туман и ветер замирает.

Крокодил втянул в себя воздух, ловя запахи. Разогретое дерево. Травы. В целом приятный, даже умиротворяющий дух.

Лес вокруг был похож на сказочные джунгли. Мохнатые стволы, увитые разнообразными вьюнками, зелеными, серыми, коричневыми. Цветные насекомые, не то бабочки, не то стрекозы. Зеленые зонтики листьев над головой, на высоте седьмого этажа. Сквозь ажурные кроны проглянуло солнце, и Крокодил с удивлением обнаружил, что на него можно смотреть не щурясь. Приятное солнце, не злое и довольно-таки правдоподобное. Хоть с этим повезло.

Хижины с плетеными из прутьев стенками были покрыты не пальмовыми листьями, как надо бы, а материалом вроде дранки или даже черепицы. Никаких улиц не наблюдалось. Не было ни города, ни поселка – несколько хижин, разбросанных в тропическом лесу. Зачем я здесь? Почему я здесь?

Офицер стоял рядом, молча ожидая, пока Крокодил справится с очередным приступом растерянности.

– У меня с собой нет ничего. Вообще ничего. Ни зубной щетки, ни...

– У вас есть стартовый пакет: в него входит кроме удостоверения личности одежда на первый случай, обувь, белье, предметы личной гигиены... Что вам еще нужно? В смысле, какие-то неучтенные потребности?

– Не знаю, – Крокодил потер лоб. – Еда?

– Пока вы здесь, вас будут кормить по требованию в любое время суток. Здание с окошком видите? Вам туда, совместить годовые кольца на документе и на сенсоре, войти, выбрать что вам по вкусу. Воду лучше носить с собой, во фляге. Новоприбывшие часто страдают от обезвоживания. В ночное время источники воды подсвечиваются. Кстати, в вашем доме тоже есть вода и лепешки, если захотите перекусить.

– Я могу куда-то идти? Ехать?

– Куда угодно, – офицер ухмыльнулся. – Только верно рассчитывайте силы. Вы не адаптированы к нашим условиям, и вы пережили серьезное потрясение.

Он был прав.

– Я хотел бы встретить этого человека... своего товарища по Раа...

Крокодил поперхнулся. Почти минута прошла, прежде чем он понял, что «товарищ по Раа» – дословный перевод слова «земляк» и означает то же самое.

– Земляка, – повторил он, пытаясь сконцентрироваться на смысле, а не на звучании. – Переговорить с ним как можно скорее.

– Сегодня?

– Да.

Офицер поколебался:

– Пока ваш статус не определен, за вашу жизнь и здоровье отвечает наша служба. Но поскольку я не вижу прямой угрозы... Сейчас я свяжусь с ним и попытаюсь выяснить, готов ли он принять вас сегодня.

* * *

На единственный рельс, протянувшийся через джунгли, то и дело садились летающие насекомые вроде стрекоз. Усаживались в ряд, обернувшись головами в одном направлении, разворачивали крылья и так замирали, похожие на мельхиоровые игрушки.

– Это транспортная линия, – сказал офицер. – По ней движется транспорт. Вагоны, вагонетки...

– Я ведь не из леса приехал, – пробормотал Крокодил и тут же поправился: – То есть я хотел сказать, что в моем мире тоже есть транспорт и он тоже ходит по рельсам.

– Отлично.

Дрогнула почва. Задев нижним краем о траву, из глубины леса выплыла кабина, с виду тяжелая и неповоротливая, с затемненными стеклами. Крылатые насекомые подпустили ее очень близко и взлетели в последний момент. Когда-нибудь не успеют, подумал Крокодил.

– Счастливого пути, – сказал офицер. – Если заблудитесь, или почувствуете себя плохо, или еще что-то – покажите ваш документ любому совершеннолетнему. Вам помогут.

– А когда мне выходить?

– В смысле?

Крокодил занервничал:

– Я же не знаю, куда еду!

– Просто покиньте кабину, когда откроются двери. Вас встретят.

– Это долго?

– Что именно?

– Долго ехать?

– Зависит от загруженности линии.

Кабина монорельса замедлила движение, но не остановилась совсем. Поднялась дверца, приглашая садиться на ходу. Крокодил в последний раз подумал: не отказаться ли от поездки? Но отступить перед уже открытой дверью было малодушно, и Крокодил, скрипнув зубами, неуклюже залез внутрь.

Дверца закрылась. Кабина моментально ускорила движение, и по ее крыше захлестали ветки. Офицер пропал из виду, пронеслось мимо и потерялось несколько туземных хижин, и потянулся лес, густой и просторный, как бальная зала с колоннами, видимая сквозь прозрачный занавес.

Крокодил оглядел вагончик изнутри. Никаких сидений не обнаружилось; кабина была обшита материалом, похожим на пробку, и на полу, к удивлению Крокодила, тоже росла трава. Он сел, скрестив ноги, и стал смотреть в окно.

В «стартовом пакете» нашлись шорты его размера и светлая рубашка без воротника, но Крокодил не стал переодеваться. На штанинах его джинсов засохли пятнышки грязи с мокрого тротуара. Земного тротуара, до дыр исхоженной улицы в двух шагах от дома; Крокодилу казалось важным носить эту грязь на себе.

Кстати, что у них за странная санитарная система? Почему новоприбывших не помещают в карантин, не дезинфицируют, не стригут наголо?

Он нервно засмеялся. Снял с пояса флягу и отхлебнул несколько раз. Новоприбывшие страдают от обезвоживания. Сколько здесь пришельцев? Сколько мигрантов прибывают в день? В час? Ощущение такое, что планета почти пуста, поросла дикими джунглями и единственная кабина катится через заросли, то и дело грозя налететь на волосатый ствол. Как там говорил полупрозрачный чиновник из Вселенского Бюро миграции? Тишина, зелень, исключительно гуманное общество?

В этот самый момент кабина выехала из чащи на край обрыва. Крокодил охнул и вцепился в траву: слева по-прежнему тянулась стена цветных зарослей, справа открылись небо, синее с фиолетовым оттенком, далекий горизонт и город на горизонте: композиция из разновеликих игл, устремленных в небо. Перевернутые сосульки цвета сгущенного молока, слоновой кости, жженого сахара; Крокодил видел их несколько секунд, потом кабина снова резко свернула в лес, и дальний горизонт исчез.

Хорошо бы меня везли туда, подумал Крокодил с опасливой надеждой. Вот уж там, наверное, полно народу. Интересно, что у них происходит на улицах, что за транспорт, как устроены дома изнутри. Впервые с момента «изъятия» у Крокодила шевельнулось внутри подобие интереса: верный признак того, что он начинает отходить от шока. Любопытство – первейшее человеческое свойство, очень опасное. Очень полезное. Индикатор нормы.

Он стал мысленно прикидывать расстояние до города и возможный маршрут, но кабина, повернув еще раз, царапнула дном о камень и остановилась. Через секунду открылась дверь.

Крокодил подобрался. Ему сказано было «выходить, когда дверь откроется», но не в пустой же лес выходить?! Он воображал себе станцию, перрон, что-то в этом роде, город, хотя бы поселок...

Кабина стояла, подняв дверь, как руку в салюте. Крокодил выглянул наружу. Почти сразу в поле его зрения втерся маленький желтокожий человечек, приятельски поманил к себе:

– Ты, это, Андрей?

– Я, – прохрипел Крокодил и вышел.

* * *

– Я родной язык забыл.

– А какой у тебя родной?

– Русский.

– Ну, понятно, они ставят новый язык на ту основу, где стоял родной. Вот у меня родных было ханьский и бай, а еще десяток выученных!

Земляка звали Вэнь. На своем веку ему случалось называться как угодно, в том числе Ваней и Эдом. Эмиграция на Раа была не первой в его жизни; ему много раз случалось рвать с прошлым и переезжать далеко. Он жил в Европе, в Америке, в Австралии, и вообще, проще перечислить земные континенты, где он не жил.

– Что случилось на Земле? – первым делом спросил Крокодил.

– А что случилось?

– Почему мы эмигрировали?

– А почему люди эмигрируют? – Вэнь улыбнулся, глаза превратились в щелочки. – Ищут, где лучше.

– Я не представляю, что должно было случиться, чтобы я эмигрировал с Земли.

– Да прямо-таки, – Вэнь ухмыльнулся. – Думаю, показали тебе заманчивые проспекты, фильмы какие-нибудь, и ты захотел повидать Вселенную.

– Вряд ли, – Крокодил отвел глаза. Земляк казался ему бóльшим чужаком, чем смуглолицый офицер в миграционном офисе. – Вот ты – почему эмигрировал?

– Я-то? Мне, наверное, сказали, что на Раа налоги ниже, за квартиру меньше платить, а зарплата больше, – он блеснул желтоватыми зубами. – Я и поехал.

– Скажи: что сейчас на Земле? Связь возможна?

– На Земле динозавры, – помедлив, признался Вэнь.

– Что?!

– Ну, я, когда устроился, тоже стал выяснять. Тут немало наших вообще-то. В смысле землян. И оказалось, что актуальное время на Раа соответствует нашему юрскому периоду. Мы эмигрировали в далекое прошлое Раа... прошлое относительно нашего времени. Все относительно, как сам понимаешь, – Вэнь доброжелательно кивнул. – Тут хорошо. На Лимбе, наверное, тоже неплохо, но здесь лучше.

– На Лимбе – тоже прошлое? Или будущее? – спросил Крокодил безнадежно.

– Там, где ты, всегда настоящее, – когда Вэнь смеялся, морщины на его молодом лице становились глубже.

– А было такое, чтобы ты изначально собирался на Кристалл, а потом тебе отказали?

– Кристалл? – Вэнь нахмурил лоб. – Нет. Мне предлагали выбрать между Лимбом, Раа и этим... Олу, или Ору, я уже не помню. Раа лучше, конечно. Мы с тобой умные, хорошо выбрали.

– Я хочу вернуться на Землю.

Вэнь разлил по маленьким чашкам дымящийся напиток. Крокодил даже не стал спрашивать, что это. Жилище Вэня было похоже на поросшую мхом пещеру; хозяин и гость сидели, скрестив ноги на упругом моховом ковре, за каменным столиком без ножек.

– Назад дороги нет, – сказал Вэнь. – Еще мамонт не вывелся, Христос не родился. Что ты там будешь делать?

– Но почему? – Крокодил сцепил пальцы. – Я так понял, что если заплатить им временем... Я бы десяток лет жизни отдал.

– Чего стоит десяток лет в сравнении с миллионами, которые нас отделяют от двадцать первого века? Или хотя бы от девятнадцатого?

Крокодил поперхнулся напитком.

– Два года в уплату – мелочи, булавки, – авторитетно заявил Вэнь. – Главную прибыль они получают, когда переносят нас в прошлое. Мне один яйцеголовый говорил: это все равно что сбрасывать воду с плотины. Слить сверху вниз, из будущего в прошлое – получается энергия. А чтобы закачать воду наверх, или нас с тобой закинуть из прошлого в будущее, – энергию надо потратить... Так вот: ни у тебя, ни у меня нет таких ресурсов, чтобы обратно проситься.

Крокодил все никак не мог откашляться.

– Так что расслабься, забудь и радуйся жизни, – Вэнь кивнул маленькой головой. – Может, на Земле и впрямь какая-то беда стряслась. Все наши, в смысле кто с Земли, – из две тысячи десятого. Позже – никого. Раньше – есть. Это семейные. Если семьей эмигрировать, больше времени в уплату идет, от двух с половиной лет до пяти. Пять лет в уплату, ты прикинь! И ведь соглашались же люди...

– Сколько тут наших? Землян?

– В окрестностях две-три семьи наберется, ну еще полдесятка одиночек, устроены неплохо... Тебе, кстати, тоже надо устроиться, – Вэнь, кажется, обрадовался перемене темы. – Лучше всего – при общине-государстве. То есть будешь государственный зависимый, вот как я. А то еще есть частные опекуны: поспрашивай наших, тебе порекомендуют, кому тут можно продаваться.

– В смысле – продаваться?

– В смысле твой опекун-хозяин получит за тебя ресурс от общины и для начала устроит тебе учебу. Ты по специальности кто?

– Переводчик. Технический перевод, английский и немецкий. Могу художественный. Можно синхрон.

– Пролетаешь, – констатировал Вэнь. – Бесплезнее трудно представить.

– Я еще редактором могу.

– Э-э, тут редактировать нечего, все пишут что хотят, все читают, в общем доступе все лежит, в Сети, безо всяких редакторов... Придется учиться чему-то местному. А учеба стоит ресурсов, ну, денег по-нашему. С нуля трудно вылезти, надо, чтобы хозяин-опекун помог.

– Ты зависимый?

– Да. Государственный. Мой хозяин – община.

– Объясни мне. Что это значит? Тобой кто-то руководит, ты кому-то принадлежишь...

– Да нет же! Это не рабство! – убежденно сказал Вэнь. – Наоборот: ты будешь гораздо свободнее, чем там у себя! Дома небось жилы рвал, а тут работаешь понемножку, а в остальное время – делаешь что хочешь. Зато если заболел – тебя точно вылечат, и без жилья не останешься, и без еды – никогда.

– Ты кем работаешь?

– Семена сортирую. Окончил учебный курс по совместимости с сортировочными устройствами. Уж не знаю, сколько я там зарабатываю, мне в обмен, по-моему, даже больше идет! Дом, развлечения, путешествия. В прошлом году был на той стороне материка, там в горах снег, а побережье завалено черным жемчугом... Здорово, да, – и Вэнь замолчал, глядя поверх головы гостя, вспоминая, по-видимому, прекрасные минуты жизни.

– Ты любишь сортировать семена? – спросил Крокодил.

– Да что их там сортировать? Подключаешься к устройству, получаешь дополнительную опцию в мозги – видеть поврежденные зародыши – и просто щелкаешь переключателем, зеленое к зеленому, красное к красному... А ты свои переводы технические очень любил?

Крокодил задумался.

– Эта их Проба, – проговорил наконец. – Проба на гражданство. Ты пытался ее пройти? Вэнь перестал улыбаться. Посмотрел с долей сочувствия:

– Я знаю тех, кто пытался.

– И что?

– Ну что? Отвозят тебя на остров с компанией местных подростков. И там – дикарский такой лагерь. Как бывало в древних племенах: лагерь молодых волков, юных орлов или что-то в этом роде. И ты там, с этими местными сопляками, должен сдавать кучу тестов и доказывать, что ты не верблюд.

– Я в армии служил, – подумав, сказал Крокодил. – С подростками мне соревноваться не страшно. Это все?

– Нет. У них, если ты заметил, цивилизация с естественнобиологическим уклоном. Они могут кое-что, чего мы никогда не сможем. Например, пальцами считывать информацию с деревьяшек...

– И в дикарском лагере их этому учат?

– Шаманство, – Вэнь вздохнул. – Их с малых лет всякому такому учат, уж не знаю как. И землян, которых детьми вывезли. Теоретически и мы с тобой можем, а практически...

– А в чем разница, – не унимался Крокодил, – между полными гражданами и зависимыми?

– Я же говорю: зависимый живет вроде как при богатом папе, спокойно, не напрягаясь. А полноправный – вертится как хочет. С голоду, конечно, никто не умирает, еды тут полно, ночевать можно в общественных домах... Но толку-то морочиться с этой Пробой, чтобы потом болтаться без ресурсов?

Крокодил пытался сложить из добытых сведений хоть сколько-нибудь логичную картину. Почувяв его замешательство, Вэнь приободрился:

– А еще зависимый раз в год получает длинный отпуск. А если он женится на зависимой – ему дают дополнительный ресурс. А еще...

– Нет. По какому принципу они делят? Как они определяют, кто из подростков прошел Пробу, а кто – не достоин? Кто свободен, а кто зависим?

– Традиция такая, – Вэнь начал раздражаться. – Чтят, понимаешь, традиции предков. Инициация, все такое. Тебе-то зачем с этим связываться, ты-то здоровенный мужик уже?!

– Не знаю, – сказал Крокодил.

* * *

Запах ночного леса был устроен сложно, как букет дорогих духов. Сотни родников подсвечивались зеленоватым светом, вода казалась расплавленным стеклом. Крокодил наполнил флягу, выданную ему в составе «стартового пакета», и почти сразу же опустошил: вода была вкусная, а пить хотелось непрерывно.

– Андрей?

Офицер, принимавший его утром, был обут в светящиеся сандалии. Ремешки на щиколотках источали ровное сияние, а из подошв били лучи, подобные прожекторам, и лес озарялся всякий раз, когда офицер отрывал ногу от земли. Крокодил посмотрел на свои кроссовки, и ему сделалось неловко.

– Вы вернулись? Как прошла поездка?

– Замечательно.

– Есть координаты еще нескольких мигрантов с Земли. Захотите с ними связаться?

– Конечно! – вскинулся Крокодил и тут же обмяк: – Только не сейчас...

– Не сейчас, – согласился офицер. – Идемте, я проведу вас в ваш дом.

– Как время можно преобразовать в энергию? – спросил Крокодил.

Офицер не удивился.

– Вы хотите знать подробности или вас удивляет принцип?

Они шагали через лес, который то озарялся, то темнел в такт шагам офицера.

– Не имеет значения, – признался Крокодил. – Как вы думаете: ваш дом будет существовать вечно?

– Ничто не существует вечно, – мягко сказал офицер. – Вон то строение, впереди, налево, – ваше временное жилище. Внутри легкая еда и напитки, вещи, постель и средства гигиены. Дом доставит вам радость и подарит покой, а потом исчезнет, как все на свете; мы

рады помочь в обустройстве и адаптации. До окончательного принятия вами решения осталось пять суток.

– А если я не успею решить?

– Тогда решит миграционная служба, исходя из ваших интересов.

– А если для принятия решения мне понадобится больше времени?

– Время – ресурс, – офицер был терпелив, как наковальня. – Нет возможности тратить его бесконтрольно.

– У меня недостаточно информации, – сказал Крокодил. – Где мне добыть информацию?

* * *

Устройство имело вид плоского глиняного блюда. Офицер велел Крокодилу налить в него воды из фляги и переждать пару секунд, пока «произойдет установка».

Вода на блюде перестала волноваться и замерла, похожая на большую силиконовую линзу. Офицер велел Крокодилу коснуться ее деревянным удостоверением личности. Поверхность воды в чаше дрогнула, помутнела, и в глубине внезапно открывшегося экрана Крокодил увидел свое имя, будто нацарапанное тонкими штрихами: «Андрей Строганов».

– Произошла авторизация, – сказал офицер. – Но, пока ваш статус не определен, вы можете пользоваться только этим устройством.

– Как пользоваться?

– Задавайте свои вопросы.

– Любые?

– Да, – офицер впервые выказал признаки нетерпения. – Но от верной постановки вопроса зависит ответ, вы это понимаете?

– Значит, мне ответят не полно, не четко, не на все вопросы?

– Попробуйте, – офицер повернулся к двери. – А еще лучше, отдохните. Вы переутомлены. Если будет надобность – вызовите врача.

* * *

– В каких правах ограничен зависимый член общества?

«В праве принимать решения, касающиеся общества в целом. В праве устанавливать опеку над другими людьми, в том числе своими детьми. В праве принимать решения себе во вред».

Ответы на вопросы, заданные вслух, появлялись мгновенно, будто нацарапанные на воде. А потом исчезали.

– Что значит – принимать решения себе во вред?

«Решение умереть. Решение переменить участь к худшему. Решение отказаться от деятельности. Решение...»

– Стоп, – Крокодил, того не замечая, с корнем рвал траву, устилавшую пол домика. – Полноправный гражданин имеет право умереть?

«Да».

– А кто определяет, лучше некая участь или хуже? «Комплексный подход: учитывается соответствие деятельности нуждам общества и психофизическим характеристикам человека».

– Отказ от деятельности – это что?

«Отказ от осмысленной деятельности, то есть работы, учебы, самосовершенствования, проведения досуга».

– То есть зависимый гражданин не имеет права лежать и плевать в потолок?

«В порядке отдыха, ограниченное время – может». – А потом?

«Зависимый гражданин не может отказаться от осмысленной деятельности».

– А полноправный?

– «Полноправный гражданин принимает все решения относительно своей жизни, в том числе реализует право на саморазрушение».

– О как...

Крокодил посмотрел на свои руки. Пальцы позеленели от травяного сока, ногти траурно подернулись землей. Пол в доме казался побитым гигантской молью. Еще вычтут с моего будущего хозяина, подумал Крокодил, вычтут за ущерб, нанесенный миграционной службе...

– В чем состоит тест – Проба – на полное гражданство?

«Ряд испытаний».

– И все?

«Ряд испытаний».

– Обладает ли зависимый гражданин правом на свободное перемещение?

«Да, если это не противоречит интересам общества и его собственным интересам».

Крокодил подумал.

– Может ли зависимый гражданин служить в миграционном офисе?

«Зависимый гражданин не может работать на позициях, связанных с ответственностью перед обществом».

– Значит, нет?

«Нет».

Крокодил закусил губу.

– Что случилось на Земле?

«Информация за рамками компетенции источника».

* * *

Он проснулся в полной уверенности, что лежит в своей постели, одеяло соскользнуло, а окно приоткрыто и оттуда тянет сквозняком. Он почти увидел воздух, дрожащий над батареей, и край занавески, которая покачивается от сквозняка. Он увидел комнату в мельчайших деталях – цвет и фактуру обоев, небурную чашку на краю письменного стола, свалившийся на пол лист бумаги... И тут же вспомнил, что он не дома, что он на другой планете, а по Земле ходят динозавры и назад дороги нет.

Он сел. В маленьком домике было влажно и свежо: окно открыто нараспашку, и на травяной ковер, отросший за ночь, выпала роса. За окном неподвижно стоял лес: что-то в нем трещало и сопело, посвистывало и возилось, и все эти звуки были нарочито уютными, комфортными, без единой нотки опасности.

Ничто не существует вечно.

Сверху, на небе и в кронах, было уже совсем светло. Внизу, у корней, плотно стоял туман и нависал сумрак. Стены деревянного дома пахли смолой и пылью. Крокодил закрыл глаза – и снова увидел свою комнату; мысленно вышел в коридор, прошлепал в тапочках в ванную, увидел на полке игрушечного пластмассового крокодила – игрушку из собственного детства... Отец говорил – «Привет, Крокодил», и маленький Андрей решил для себя, что это будет его внутренним личным именем...

А его сыну игрушка не нравилась, хотя тот тоже был Андрей. Последний раз они виделись три месяца назад, потом Светка увезла малыша в Англию... Или все-таки в Германию?

А если Светка с сыном по какой-то причине не эмигрировали – значит, они остались на Земле, – значит, что с ними случилось?!

Но фокус в том, что никакой Светки не существует. И она, и Андрюшка-младший появятся на свет через миллионы оборотов Земли вокруг Солнца. Собственно, и Крокодила нет; кто же тогда сидит на траве скрестив ноги и постанывает сквозь зубы?

Он заставил себя встать и умыться. Круглое глиняное блюдо так и стояло, полное воды, поверхность ее взялась еле различимой пленкой.

Крокодил ткнул в воду плашкой на цепочке.

«Андрей Строганов».

– Я хочу сделать запись. Для памяти. Где... кора?

Он хотел сказать «бумага», но на его новом родном языке подходящее слово означало древесную кору. Бересту. Всего-то.

«Вы найдете письменные принадлежности в отделении для письменных принадлежностей».

– Спасибо, – сказал Крокодил со всем возможным сарказмом.

Он обшарил хижину. На этот раз он знал, что искать, и скоро обнаружил тончайший лист бересты, аккуратно подвешенный на сучок. В край плотного желтоватого листа была вправлена иголочка – вроде стилоса. Крокодил выцарапал свое имя, осторожно, медленно, преодолевая рассогласованность между мышечной памятью и письменными знаками нового родного языка.

Каракули тут же преображались, делаясь похожими на работу умелого каллиграфа. Получалось красиво, Крокодил даже залюбовался. Несколько минут он пробовал писать, что в голову взбредет, – отдельные слова, цитаты, ругательства, которые обычно царапают на заборах, в конце концов исписал весь лист и смутился. Потрогал написанное пальцем; буквы и слова исчезли, как не бывало.

Тогда он положил белый лист на траву и попытался выписать в столбик все угрозы существованию Земли, какие смог припомнить. Терроризм? Война? Эпидемия? Вторжение инопланетян? Вот это последнее вряд ли: инопланетяне, по всей видимости, давно вторглись куда надо и организовали выгодный бизнес по устройству нелегальных мигрантов... А нелегальных потому, что с Земли-то их никто не выпускал, никто не оформлял им ПМЖ; знай общественность Земли о том, что из-под носа уведут ценных специалистов, – забила бы тревогу, запретила бы выезд, закрыла границы...

Крокодил ухмыльнулся и понял, что губы растрескались от жажды. Он снова наполнил флягу; кстати, а чем он, Крокодил, так уж ценен, что его вывезли?

А чем ценен Вэнь? Оптимизмом, трудолюбием, умением приспособливаться? Ладно, Вэнь – вечный мигрант, для него естественно оказаться за сотни парсеков и миллионы лет от дома. Но при чем тут Крокодил?

Он снова уселся на траву и скрестил ноги. Нельзя сказать, чтобы мысли об эмиграции никогда в жизни его не посещали – они просто не принимали конкретной формы; с иностранными языками у него не было проблем, спасибо родителям. Он бывал в Лондоне, в Гамбурге, в Глазго, но не представлял, как там жить и чем заниматься.

Что должно было случиться, чтобы Крокодил эмигрировал с Земли без надежды вернуться?

Два варианта, всего два: либо меня чем-то поманили, либо я от чего-то сбежал. Причем последнее вероятнее.

Или меня обманули. Я никуда не эмигрировал. Меня похитили, сфабриковали мое обращение к себе – и закинули на сотни миллионов лет назад. В промышленных целях.

У капли воды не спрашивают, желает ли она быть сброшенной с плотины. Но каплю воды никто не возьмется опекать, инструктировать, перемещать сквозь Вселенную. Для извлечения энергии не проще ли закидывать безответных бомжей прямоком к динозаврам?

Обнаружив, что живот поет жалобную песню, Крокодил встал, отряхнул штаны и отправился в домик, который он успел окрестить для себя «столовкой».

* * *

Столовая напоминала не то магазин парфюмерии, не то улей изнутри. Вдоль стен тянулись шестиугольные ячейки, будто соты, внутри каждой угадывалась лента транспортера. На узкой полке, как карандаши в стаканах, стояли палочки с надписью «Вкус».

Крокодил скоро понял, как этим пользоваться. Карандаш-пробник, если облизнуть его, давал точное представление о вкусе блюда. Отведав сперва нечто слишком кислое, а потом запредельную гадость, Крокодил на третий раз распробовал вполне приличную, со вкусом рыбы, снесь. Запомнил номер на пробнике и выбрал соответствующую ячейку; транспортер выдал ему набор из нескольких блюд, неожиданно аппетитных на вид, и десерт.

Крокодил сел в углу пустого обеденного помещения, вытер руки влажным полотенцем, входившим в набор, и успел отдать должное рыбному филе, когда на пороге столовой показался наголо бритый человек ярко-синего цвета. Крокодил закашлялся; человек рассеянно кивнул ему блестящей синей башкой, подошел к стене с ячейками и, не пробуя, взял знакомое блюдо. Содержимое контейнера было намертво заморожено, над сухим льдом поднимался пар.

Незнакомец сел в противоположном углу, боком к Крокодилу. Заинтересовавшись, тот наблюдал краем глаза, как синий человек колет свою пищу миниатюрным ледорубом, по кусочку подхватывает большим пинцетом и бросает в рот. Столовая наполнилась хрустом, будто дорожный каток ездил по груде костей.

Крокодил закончил трапезу, но уходить не спешил. Наконец синий человек отодвинул тарелку, покрытую изморозью, и встал. Прошел совсем близко от столика Крокодила, поглядел искоса – глаза у него были совсем черные, по синему лбу градом катился пот.

– Простите, – не удержался Крокодил, – вы тоже мигрант?

Синий человек с трудом улыбнулся, вернее, чуть приподнял верхнюю губу, и обнаружилось, что зубы у него фарфорово-голубые. Дышал он через силу: казалось, воздух в легких доставляет ему неудобства.

– Откуда вы? – жадно спросил Крокодил.

– Дару, – глухо пророкотал синекожий.

Крокодил предложил ему сесть; синий человек заколебался – было видно, что ему некомфортно, жарко, душно и в то же время очень хочется поговорить.

Он не стал садиться – просто оперся о стол синими ладонями с фиолетовыми ногтями. Стол покачнулся.

– Вы давно здесь? – спросил Крокодил.

Синий человек вытер со лба пот:

– Я забыл свою речь... Теперь постоянно путаюсь во времени. В родном языке семнадцать... один и семь... конструкций для прошедшего времени. Глубокое прошлое. И двадцать пять конструкций... для времени, которое будет. Теперь не могу сказать, давно ли я здесь. Несколько... оборотов. Дней.

– Что у вас там случилось, на Дару, почему вы мигрировали?

– Катастрофа, – человек облизнул иссиня-черные губы. – Тепловая катастрофа. Таяние ледников... А вы откуда?

– Земля, – сказал Крокодил и добавил, не задумываясь: – Тоже катастрофа. Разумеется. Все взорвалось. Ему расхотелось разговаривать дальше. К счастью, синий человек почти сразу вышел – жестом показав, что ему трудно дышать.

* * *

Офицер миграционной службы сменился. Теперь это был пожилой, сухощавый и сухой в обращении тип. Увидев Крокодила, он кивнул ему безо всякого интереса.

– Я хочу получить доступ к своим документам, – сказал Крокодил. – В частности, к моему посланию себе.

Офицер смотрел на него как на испорченный телевизор со слишком громким звуком.

– Я желаю слышать мое послание себе, – повторил Крокодил, закипая. – Мне не были даны необходимые разъяснения. Меня спровадили, как груз, воспользовавшись шоковым состоянием...

Сухой офицер молча протянул руку. После пятисекундного замешательства Крокодил понял, что тот хочет получить его деревяшку – временное удостоверение. Крокодил снял с шеи цепочку; офицер все так же молча взял документ и опустил в гнездо прибора, помещавшегося на столе. Тут же посреди комнаты, рядом с Крокодилом и почти касаясь его, возникло видение – он сам.

Голографический призрак заговорил знакомым голосом, со знакомыми интонациями, но Крокодил не мог понять ни слова. В какой-то момент виртуальный персонаж обернулся через плечо; Крокодил помнил этот жест, но совершенно забыл слова, его сопровождавшие.

– Ничего не понимаю.

Офицер, не говоря ни слова, протянул Крокодилу его удостоверение, а вместе с ним лист бересты с напечатанным текстом:

«Приветствую. Плоский хлеб... непривычный способ вступать в контакт. Слушай, не удивляйся, не злись. Я принял решение эмигрировать с Земли. Удачно, что есть такая возможность... Осталась такая возможность. Можешь поверить – на Земле у тебя будущего нет. Это не эмоциональное решение, не истерическое, это глубоко обдуманное решение... Ты сам его принял. Тебе передадут информацию. Удачи!»

Крокодил еще раз перечитал текст. Офицер, не обращая на него внимания, разглядывал воду в огромном плоском блюде на столе, изредка касался ее деревянной палочкой.

«На Земле у тебя будущего нет...»

– Мне нужна информация, – сказал Крокодил.

Офицер поднял глаза.

– Мне нужна информация о моей родной планете.

Офицер снова взял деревянную плашку, удостоверяющую личность Крокодила. Поместил в гнездо. Протянул Крокодилу новый кусок бересты.

«Третья крупная планета Солнечной системы, – прочитал Крокодил, – проявляет геологическую активность...»

Строчки, пестрящие терминами и цифрами, поплыли у него перед глазами: «Ядро... Мантия... Состав атмосферы... Магнитное поле... Возникновение и развитие жизни... термостойкие бактерии... повреждение озонового слоя, метановые выбросы...»

– Мне нужна другая информация... О будущем! Мне нужно знать, в каких условиях я принимал решение об эмиграции!

Офицер чего-то коснулся на столе, и на бересте перед Крокодилом выплыл другой текст.

– «Памятка мигранту, находящемуся во временном... – Крокодил пропустил несколько строк. – Мигрант имеет право безвозмездно получать материальную, моральную поддержку и медицинскую помощь... Быть интегрированным в общество... Получать информацию касательно планеты и условий проживания, особенностей быта... – Строка вдруг окрасилась красным, будто на бересту капнули кровью. – Кроме информации, касающейся парадоксальных

изменений времени, пространства и других процессов, находящихся в компетенции Бюро Вселенской миграционной службы».

Офицер все разглядывал воду в блюде и казался бездельником, имитирующим занятость.

– Где и как я могу получить информацию о моей родной планете?

– Вам должны были ее предоставить в Бюро, – сказал офицер, и Крокодил впервые услышал звук его голоса.

– Мне сказали, что эта информация не входит в контракт!

– Значит, вы не пожелали включить ее в контракт.

– Но я желаю ее получить – сейчас!

– Отправим запрос в Бюро, – офицер вздохнул. – Подождем ответа. Хотя вероятность положительного решения крайне мала – вам следовало четко описать причину эмиграции в обращении к самому себе. Вы этого не сделали?

Крокодил растерялся.

– Нет...

– Почему?

– Откуда я знаю?! Может, я записывал это обращение под давлением? Может, меня шантажировали?

– Чем?

– Не знаю, – признался Крокодил.

Офицер повертел в пальцах временное удостоверение Крокодила:

– Вам следует принять решение о статусе и согласовать зависимость. Для решения осталось чуть более трех суток. Нужны ли вам дополнительные материалы?

– Да... если можно.

– Что бы вы хотели узнать?

– Что-нибудь о Раа... Вообще.

* * *

В глиняном блюде-терминале, оказывается, можно было выбирать интерфейс, и после нескольких неуклюжих попыток Крокодил добился того, что вода замерзла. Ну, или приобрела свойства белого матового льда, отдаленно похожего на обыкновенный монитор. Крокодил начал с информационных материалов Вселенского Бюро миграции: физическая карта Раа – три материка и множество островов. Экономическая карта Раа... Крокодил покусал губу: местная специальная терминология никак не соотносилась с его земными представлениями о глобальной экономике. Кряхтя, ругаясь и чувствуя себя первобытным мальчиком на заводе электроники, он принялся разбираться по мере сил и скоро присвистнул: по всей видимости, сельского хозяйства на Раа не существовало и существовать не могло. Местная растительность была устроена таким образом, чтобы кормить всех, кто в состоянии поднять руку и сорвать плод. Непонятно, как на планете с такой природой могли сконструировать что-то сложнее палки с крючком.

Тем не менее вся планета была прошита информационной и транспортной сетью. Промышленность, вынесенная на орбиту, без перебоев снабжала людей светом, синтезированным мясом и сложными устройствами на основе биотехнологий. На ближайших планетах системы Раа, малопригодных для жизни, имелись временные поселения. Рекламные материалы Вселенского Бюро обещали мигрантам рай на чистой, зеленой, спокойной и совершенно безопасной планете. В самом конце мелким шрифтом имелась приписка о разделении жителей на полноправных и зависимых граждан.

Крокодил потребовал сведений о населении и особенностях быта. Все полноправные граждане Раа были членами общины-государства. Нигде не упоминалось о делении на расы

или социальные слои; имелось понятие «индекс социальной ответственности». Индекс присваивался гражданину сразу после успешно пройденной Пробы, и потом с ним надо было что-то делать, но что именно, Крокодил не понял.

Ему было трудно сосредоточиться. Круглый ледяной терминал раздражал, а обилие незнакомых терминов понижало самооценку. Пытаясь узнать все о Раа, он сам себе напоминал слепого мудреца, который на ощупь изучает двух совокупающихся слонов.

Слишком все тут гладко, слишком благостно. Преступность? Система правосудия? Скрытая от глаз диктатура? Что-нибудь эдакое?

Да, понятие «преступление» было, но не «нарушение закона», а «причинение вреда общине Раа». Отдельно – «причинение тяжелого вреда». Стандартное «причинение» наказывалось резким понижением индекса ответственности. «Тяжелое причинение» – изгнанием. Интересно, куда? В открытый космос? На необитаемые планеты?

К зависимым гражданам, впрочем, такие меры никогда не применялись. Зависимый не мог быть преступником; за него полностью отвечал хозяин-опекун, причем большая часть зависимых граждан находились под опекой общины-государства.

Религия? Мир Раа был создан волей Творца согласно его замыслу, это было всем понятно и никем не подвергалось сомнению. Никаких особенных ритуалов, храмов, где можно было поклоняться Творцу, не предусматривалось: как будто Он, сделав свое дело, удалился восво-яси, равнодушный к творению. Искусство? Исключительно на уровне самодеятельности: все, кто хочет, мог писать и выкладывать в Сеть свои книги, танцевать и петь, приглашать друзей на концерты. Ни писателей, знаменитых более ста лет, ни великих художников. Похоже, на Раа живут по принципу «Сам себе Леонардо»...

Крокодил понял, что дремлет, касаясь щекой ледяного экрана. Монитор вовсе не был холодным, у самого носа испуганно прыгали буквы: «Андрей Строганов? Андрей Строганов?»

– Андрей Строганов?

Давешний молчаливый офицер стоял в дверном проеме, отведя в сторону цинковку.

– У вас запланирована еще одна встреча с соотечественниками. Встреча подтверждена. Вы готовы отправляться?

* * *

– Мы уехали в две тысячи шестом, – сказала женщина.

Она употребляла слово «уехали», хотя речь шла все о том же «изъятии». Битая жизнью женщина из Ужгорода, сорока двух лет, однажды очутилась в Бюро Вселенской иммиграционной службы вместе с пятнадцатилетним сыном. Теперь сыну семнадцать. Мужа нет и, собственно, не было: они расстались сразу после рождения ребенка.

– Я давно хотела куда-то уехать, – призналась она Крокодилу. – Только не знала куда. И денег не было. Квартиры не было, жили на съемных все время... Иногда углы снимали... Знаешь, когда я очутилась в этом их офисе, я прямо чуть в пляс не пустилась, честное слово. И Борьке тоже тут сразу понравилось.

Она улыбнулась – и сразу помолодела лет на десять:

– Здесь ничего не надо бояться. Почти нет болезней, а заболеешь – вылечат, хоть рак, хоть что. Под машину попасть нельзя: все умное, все на автоматах. Нет войн, нет бандитов, нет катастроф. Очень хорошо.

– Давно живете?

– Полтора года. А кажется, будто всю жизнь.

Крокодил быстро посчитал в уме, нашел несоответствие в датах и тут же вспомнил слова Вэня: с семейных больше берут за визу. «Да, это парадокс. Но только в масштабах локального времени и локального пространства...»

– По дому не скучаете? – спросил, чтобы прервать затянувшуюся паузу.

– А о чем скучать? – она пожалала плечами. – О чем скучать – о жизни скотской, когда пашешь на трех работах и концы с концами еле сводишь? Борьку в школе вечно дразнили... Он заикался, понимаешь, и характер такой... тихий. А здесь, с их языком, перестал заикаться.

– Ему семнадцать? Он будет сдавать тест на полное гражданство или уже сдал?

Крокодил сразу понял, что спросил не то. Женщина, до этого момента приветливо улыбавшаяся, потемнела лицом:

– А зачем? Зачем эти тесты? Нам не надо. Когда приехали, мне предложили при местном приписаться, как бы частнике. Я довольна, и Борька будет при нем. Мы уже подали заявку. Борьке дадут ресурс на образование, он пойдет на курсы, закончит – получит работу. Зачем ему какой-то тест?

Крокодил хотел промолчать, но не удержался:

– Он ведь будет иметь статус зависимого?

– Ну и что?! – спросила она с открытой неприязнью. – Это тебе не Земля! Это на Земле ты от всех свободен, хочешь – подымай с голоду. А здесь пропасть не дадут!

– Я ничего такого не имел в виду, – пробормотал Крокодил. – Я просто спросил.

Женщина окинула его скептическим взглядом:

– Ты бы переоделся. Я уже и забыла, как эти штаны выглядят, джинсы в смысле. Грязь на них собирается, рвутся, сохнут долго... Надень местное, сразу другим человеком себя почувствуешь.

– Хорошо, – сказал Крокодил.

Спрашивать у женщины, изъятой в две тысячи шестом, что случится на Земле в две тысячи двенадцатом году, он не стал.

– Борьке бы еще девочку присмотреть, из наших, из мигрантов, – сказала она мягче, будто устыдившись своей вспышки. – Жалко, мало нас. Может, еще прибудет кто? Ты не знаешь?

– Может, и прибудет, – сказал Крокодил.

И вдруг ощутил надежду. Может, те, кто прибудет позже, в самом деле что-то знают?

* * *

Остаток дня он провел, катаясь на монорельсе.

Похожая на карету из тыквы, круглая, с огромными окнами, кабина катила через лес, плыла над обрывом и снова поворачивала в заросли. Появлялся и пропадал вдалеке город, похожий на скопление устремленных в небо иголок. Кабина ходила по кругу, зная, что пассажир один и ехать ему некуда.

Крокодил глядел в окно и вспоминал истертые рифмы. Например, «любовь» и «кровь». Слова не рифмовались. В первый раз осознав это, он ощутил дикий ужас.

Палка-галка. Свечка-печка. Ни тени созвучия, а ведь Крокодилу казалось, что он думает на родном языке. Нет, умом он понимал, что язык заменили, но ужаснулся только сейчас: на месте родного, на старом фундаменте, без спросу угнездились наречие Раа, о котором ничего не известно, кроме того, что фонетически оно сходно с русским.

А по-русски не говорит никто во Вселенной. Если заговорят, то через сотни миллионов лет. Если никто не наступит на бабочку и Вселенское Бюро миграции не разживется новым парадоксом...

В первый раз за все эти дни он осознал свою потерю – потерю языка. И был готов зареветь белугой, но тут кабина притормозила и в нее вошли четверо местных: трое мужчин и женщина, все в коротких широких штанах и очень легких, почти прозрачных рубашках. Женщина выглядела в этом наряде особенно эффектно; все четверо кивком поприветствовали Крокодила, сели напротив и вполголоса продолжали давно начатый разговор: трое убеждали четвер-

того, крупного и полного мужчину, что «дельта тэ ни при каких условиях не будет больше ста, а если будет, то всю систему надо строить по-другому».

В их присутствии он не мог ни ругаться, ни плакать. Он сидел, сторбившись, и исподтишка разглядывал грудь незнакомой женщины, смуглую, едва прикрытую тонкой тканью. Женщина не казалась такой уж молодой или особенно красивой, но грудь у нее была отменная, а в ушах, как серьги, покачивались два желтых цветка, и Крокодил не мог понять, золотые они или живые.

Миллионы лет до его рождения, а он таращится на бабу. Все хорошо, все прямо-таки замечательно, но ее спутники уже начали коситься. Не сочтут ли домогательством?

Он заставил себя отвести взгляд и уставился в окно. И тут же обнаружил, что кабина сменила маршрут: эти четверо ехали туда, где Крокодил никогда прежде не бывал. Город сделался ближе... пропал из виду... кабина нырнула в подземный тоннель и вдруг разогналась, как поезд метро на большом перегоне. Четверем спорщикам приходилось кричать – так свистел вокруг ветер; сделалось почти темно – но тут стены разошлись, и Крокодил вместе с кабиной и попутчиками оказался в колоссальной подземной полости, освещенной многими огнями.

Кабины, нанизанные на рельс, как бисер на леску, ожерельями тянулись во всех направлениях, светились медовым, изумрудным, бирюзовым и золотым – видимо, в зависимости от маршрута. Бежали информационные строчки, похожие на струящиеся в воздухе ручейки. Сигарообразные вагоны, полупрозрачные контейнеры, аппараты, похожие на огромных насекомых, потоком шли по множеству лент; Крокодил прижался лицом к стеклу, как ребенок.

Четверо его попутчиков, не прекращая спора, вышли на движущуюся ленту и скоро пропали из виду. Кабина продолжала движение как-то очень медленно и неуверенно. Крокодил поискал внутри терминал, с которого можно было бы задать маршрут, и не нашел; примятая трава поднималась, распространяя неуместный запах болотца. Крокодил толкнул дверь – она легко поддалась – и выбрался на перрон.

Транспортная развязка располагалась, похоже, глубоко под землей. Дышалось легко, хотя воздух был сыроват. Перрон, на вид сколоченный из досок, сделал бы честь любому полустанку где-нибудь в глубинке. Перил не было, зато по краям шевелились темные лианы; Крокодил увидел, как одна из них подобралась к какому-то хламу на перроне – не то тряпиче, не то бумажке, зацепила отростками и утащила вниз.

Система информации, несомненно, знала о присутствии Крокодила и желала понять, почему он стоит на месте. Что нужно этому конкретному пассажиру, чем он недоволен? Бегущая строка возникла в воздухе чуть не под самым его носом, померцала и сменилась большой виртуальной панелью. Крокодилу предлагалось выбрать направление, транспорт, пункт назначения, уровень комфорта, приоритетность, время в пути; схемы и интерактивные карты ободряли, приглашая определиться с маршрутом.

Крокодил, утомившись, сел на перрон и скрестил ноги. Панель переместилась ниже и снова оказалась у него под носом. Крокодил вздохнул: нелегко быть крестьянином из девятьсот первого года, внезапно перенесенным в сингапурский аэропорт.

Он выбрал пункт назначения наугад. Система попросила удостоверение личности. Крокодил ткнул в пространство деревянной плашкой на цепочке. Система извинилась, сообщив, что Крокодил не может сейчас совершить путешествие по выбранному маршруту.

– Почему?

Ему страшно хотелось пить. Фляга давно опустела. – Я хочу пить, – сказал он вслух.

Система моментально подсветила на карте источник воды – у края перрона; Крокодил добрался туда, балансируя на узком перроне, как канатоходец, и увидел, что жажда мучит не только его: у старой каменной чаши, снаружи покрытой зеленым мхом, стояли двое и пили, как лошади, касаясь воды губами.

Крокодил поразился этой сцене гораздо больше, чем футуристическому великолепию развязки. Девушка была в платье – настоящем платье – до самого пола, с воротником-стойкой и длинными рукавами. В волосах у нее горел красным живой цветок. Парень, одетый в туземную юбку, обходился без обуви и украшений. И, по-видимому, без белья.

Они напились одновременно. Выпрямились; вода стекала каплями по их подбородкам. Это же антисанитария, вот так пить, растерянно подумал Крокодил. Или ритуал? Или предписание каких-нибудь правил?

Юноша и девушка одновременно посмотрели на него. Крокодил понял, что самое время с ними заговорить: других пассажиров поблизости не было.

– Простите, вы совершеннолетние?

Ничего бестактнее он спросить не мог. Девушка поджала губы. Парень выпятил подбородок:

– А в чем дело?

Крокодил протянул ему деревянную плашку.

Парень несколько секунд удивленно смотрел на нее, и Крокодил был почти уверен, что сейчас он спросит с брезгливостью: «Что это?» Но парень вдруг преобразился: сжал плашку между ладонями и покатавал, как тесто. Сосредоточился, даже напрягся. Повертел в руках, погладил срез:

– Так записывают, что не разобрать... А я палец порезал...

– Давай сенсором, – сказала девушка.

– Не надо, – парень вдруг просиял. – Это миграционная служба. Вот оно что.

Он схватил рукой воздух, информационный экран тут же раскрылся перед ним, будто смятая и расправленная ткань. Парень оборвал кусок голограммы – Крокодил мог поклясться, что слышал треск! – и поспешил к рельсу. Подкатила кабина с прозрачной крышей; абориген прилепил обрывок голограммы к ее двери, и лоскут мерцал, угасая, несколько секунд, пока не пропал вовсе.

– Тебе сюда, – сказал парень в туземной юбочке, очень гордый, по-видимому, что помог беспомощному мигранту. Крокодил шагнул в кабину, но задержался в дверях:

– Скажите, вас не раздражают мигранты на Раа?

Парень и девушка переглянулись. Вот идиот – говорили их взгляды.

Закрылась дверь.

Перескакивая с рельса на рельс, кабина повезла его обратно, в джунгли. Быстро темнело. Миновал еще один день.

Прошлой ночью, в лесу, небо было скрыто от Крокодила широкими кронами. Теперь он впервые смотрел ночью вверх, чувствуя, как бегут мурашки по всему телу.

«А это огни, что сияют над нашими головами». Странно, но язык Раа каким-то образом передавал ритм этой строчки; Крокодил подумал, что реально можно, даже необходимо снова выучить русский. Надо сто раз прослушать послание себе, где «плоский хлеб» означает всего лишь «блин», распространенное бытовое ругательство. Затвердить наизусть. А еще лучше – найти землянина, знавшего русский как неродной. Сам Крокодил запросто может учить английскому бывших англоязычных... Все в человеческих силах, уныние – грех.

Небо светилось множеством глаз. Цветные искры пересекали пространство над головой, это было прекрасное и жуткое, цепенящее действие. Он вспомнил, что говорил ему Вэнь: небюлогическое производство вынесено на орбиту. Всего лишь заводы, отстойники, сортировочные станции, энергосберегающие и трансформирующие модули. Всего лишь урбанистический пейзаж в небе.

Он лег на спину, закинул руки за голову и так ехал в полупрозрачном вагоне монорельса, пока не задремал. Заворочался оттого, что в приоткрытую форточку потянуло сквозняком.

Качнулась занавеска, лязгнул под окнами утренний мусоровоз, Крокодил вспомнил, что пора вставать, работа ждать не станет...

И проснулся.

Вагон монорельса стоял, распахнув дверь, и снаружи, в темном лесу, пахло смолой и влагой.

* * *

– Андрей Строганов, ваш нынешний статус – совершеннолетний с ограниченными правами. По умолчанию вашим опекуном будет назначена община Раа. Вы можете также поступить в зависимость от частного лица, полноправного гражданина Раа, согласного вас опекать. Есть ли кто-то, чье покровительство вы предпочли бы?

– Нет, – сказал Крокодил.

– В таком случае вы собираетесь принять покровительство общины?

– Я собираюсь пройти испытание и получить статус полноправного гражданина.

Офицер – тот самый, что принимал Крокодила на Раа, – чуть заметно поднял брови:

– Можно узнать о ваших мотивах?

– По закону я должен приводить аргументы?

– По закону – нет. Но я не совсем уверен, что вы понимаете суть дела. Нахождение в статусе зависимого оптимально для мигранта. Возможно, у вас есть религиозные ограничения, и некие догмы нарушатся, если вы окажетесь под опекой? В таком случае – мой долг объяснить вам, что статус зависимого...

– Я хочу получить статус гражданина.

– Вы предупреждены о сложностях теста?

– Да, – сказал Крокодил сквозь зубы.

– В случае если результат окажется отрицательным, вам будет предоставлена государственная зависимость.

– Ладно.

– Право на испытание предоставляется один раз, безвозмездно, безоговорочно, без возможности пересдачи.

– Да.

– Завтра в семь часов утра вы должны прибыть на сборный пункт. В случае отказа от испытания, – офицер мягко улыбнулся, – просто поставьте меня в известность.

Глава вторая

Ранним утром, прохладным до ломоты в костях, Крокодил сошел из монорельсовой кабины на берег реки. Джунгли здесь обрывались, как отрезанные, и начиналось открытое место, песчаный косогор под сиреневатым бледным небом. На песке сидели, подобрав под себя ноги, смуглые подростки – старшему было на вид лет семнадцать.

– Детский сад, – пробормотал себе под нос Крокодил. Подошел к сидящим, вопросительно огляделся; на самом берегу, по щиколотку в воде, стоял босой человек в форменной рубашке Общественной службы и коротких белых шортах.

– Андрей Строганов, – сказал без вопросительной интонации. Констатировал.

– Я! – Крокодил шутливо отдал честь. Офицер в шортах не понял юмора.

– Отправка через пять минут. Личные вещи оставьте в камере хранения.

– У меня нет личных вещей.

– Хорошо. Ждите.

Подростки на берегу смотрели на него. Они не годились ему в сыновья, но в племянники – с дорогой душой. Или в очень младшие братья; Братья мои меньшие, подумал Крокодил и сел в стороне от всех, лицом к воде.

Было холодно. В зеркале неподвижной воды отражалась крохотная искорка, пересекавшая небо. Спутник, а может, целый завод на орбите.

Он почувствовал движение за спиной. Кто-то из подростков хмыкнул; скрипнул песок, Крокодил обернулся и увидел нового претендента – высокого тощего мальчика лет пятнадцати. Крокодил привык уже, что местные жители смуглы, а этот подросток был белый до прозрачности: его волосы, стриженные очень коротко, отливали зеленью. Тоже мигрант?

Офицер общественной службы оглянулся через плечо:

– Тимор-Алк?

– Да, – сказал новоприбывший голосом низким и ломким. Кажется, он специально старался говорить басом.

– Никаких личных вещей, – офицер кивнул на рюкзачок, болтавшийся у парня на плече. – Оставьте в камере хранения.

Кто-то на берегу хихикнул.

Новоприбывший хотел что-то сказать, потом мотнул головой и, развернувшись, зашагал от берега к единственной хижине, похожей на старый деревенский улей.

Зеркало воды дрогнуло. Из-за поворота реки бесшумно явилась лодка, похожая на гигантскую водомерку: шесть изогнутых лап удерживали по бокам ее два длинных поплавка. На корме стоял человек в форменной рубашке, немолодой, смуглый, босой.

Лодка подошла к берегу. По молчаливой команде подростки разом поднялись и, отряхивая песок, стали по очереди грузиться. Крокодил встал, когда почти все его новые товарищи были уже на борту; осталась свободной только узкая скамейка на носу. Крокодил перемахнул через борт у всех на глазах – не так ловко, как рассчитывал. Показалось ему – или кто-то из сопляков хмыкнул?

Последним в лодку влез зеленоволосый Тимор-Алк. Уселся, сопя и часто сглатывая, на единственное свободное место рядом с Крокодилом.

Лапы, торчавшие по бокам, дрогнули и приподнялись. Лодка села глубже, готовая зачерпнуть бортами воду; поплавки зашипели, надуваясь, лодка подпрыгнула, будто стремительно теряя вес, и тронулась с места.

Исчез песчаный берег, будто его слизали огромным языком. Лодка шла по реке, набирая скорость, без весел, без парусов, шла почти бесшумно, и скоро стали слышны разговоры.

Дети знакомились. Дети хохотали нарочито грубыми голосами. Автобус в летний лагерь, вот что это такое, подумал Крокодил. Только что песен не поют. Новый коллектив, в котором каждый стремится занять подобающее положение.

Тимор-Алк молчал. Он вообще еще ничего не сказал на памяти Крокодила, кроме единственного ломкого «да».

– Ты мигрант? – приятельски спросил Крокодил.

– Нет.

Крокодил удивился. Сам он был готов оказаться в роли отщепенца и не боялся этой роли: все-таки жизненный опыт, пусть инопланетный, дает преимущество перед сопляками. Но этот, бледный и зеленоволосый, будто заранее готовился к роли жертвы. Почему?

Надвинулись заросли кустов и уплыли назад. Небо приблизилось. Берега расступились, и лодка, пройдя над белой мелью, устремилась в море.

Упала скорость. Лодку закачало с борта на борт. Снова зашипели поплавки. Лодка выровнялась и, заново разгоняясь, рванула к горизонту, прочь от берега, зарослей, прочь от устья реки.

У Крокодила зашлось дыхание. Очень давно, со школьных лет, он не испытывал ничего подобного. Давным-давно, будучи ровесником этих мальчишек, он гонял на дикой скорости на мотоцикле, орал песни и только тогда – на свободной трассе, ранним воскресным утром – так остро чувствовал простор, свободу, скорость.

Он думал, это чувство ушло вместе с юностью и больше не вернется.

Вышло солнце. Поверхность моря вспыхнула, любая мелкая волна прикинулась алмазом; впереди – новое небо и новый мир, новые возможности. Елки-палки, подумал Крокодил, я уже хочу быть местным моряком. Или местным космонавтом. Или... Я ведь и тысячной доли не знаю, какие есть дела и профессии в этом мире...

Лодка повернула, солнце зашло за облако, и наваждение пропало. Я отправляюсь неизвестно куда, непонятно зачем, с одной только слабой надеждой: понять, по каким признакам этот мир делит людей на полноправных и зависимых. Я еду, чтобы занять в этом мире достойное место – и заодно выяснить, чего я достоин...

Он снова поглядел на мальчишку, сидящего рядом.

Парень был зелен теперь уже и лицом. Поймав взгляд Крокодила, он дернулся, быстро склонился за борт, и его вырвало.

Сзади засмеялись.

* * *

Часа через три, когда у Крокодила зудели от ветра щеки, слезились глаза и трескались губы, впереди показалась полоска земли. Весь покрытый зеленью, абсолютно весь, устало подумал Крокодил.

Лодка обошла тупой мысок и вошла в бухту. Море здесь было сиреневым, волны поднимались и опадали. На каменном берегу ждал человек в коротких кожаных штанах до колен. Крокодил прищурил воспаленные глаза: мужику было лет тридцать, поджарый, смуглый, с черными волосами почти до плеч. Вожатый? Тренер? Местное начальство?

Лодка снова сделалась неуклюжей и, просев в воде, развернулась к берегу правым бортом.

– Выгружайтесь, – негромко сказал человек на берегу.

Лодка стояла над глубоким местом, и кромка берега возвышалась над водой сантиметров на тридцать. Претенденты растерялись на долю секунды; первым поднялся красивый парень в рубашке без застежки, с широким воротом. Грациозно прыгнул в море, моментально вынырнул, в два взмаха добрался до берега, вылез и – Крокодил разинул рот – стряхнул с себя

воду неподражаемым звериным движением, от головы до пяток. Крокодилу всегда нравилось наблюдать, как отряхиваются собаки, но чтобы такое движение эффективно, да еще и красиво, повторил человек – он не мог представить.

Парнишка – лидер, подумал он, глядя, как другие подростки, осмелев, выбираются из лодки и влезают на берег. Перед начальником удачно пофорсил и товарищам показал, что умеет.

Он перевел взгляд на зеленоволосого рядом с собой. Тимор-Алк чувствовал себя плохо. Крокодил ощущал его запах – запах мальчишеского нервного пота.

Освобождаясь от пассажиров, лодка прыгала на воде как бешеная. Офицер на корме стоял, картинно уперев руку в бок, и смотрел туда, где в горловине бухты был виден горизонт; хорошо бы очутиться на твоём месте, подумал Крокодил. Ничего никому не доказывать, а просто красиво встать на корме. Вряд ли эта штука так сложно управляется...

Он спохватился, что отстаёт от прочих, задержал дыхание и прыгнул за борт. Вода оказалась неожиданно теплой. Крокодил с огромным удовольствием поплавал бы, понежился в волнах, но все уже выбрались на берег – и он с неохотой последовал за коллективом.

Зеленоволосый выбрался на берег последним. Плавать он, вопреки опасению Крокодила, умел не хуже прочих. Просто очень нервничал и не умел это скрыть.

– Всем привет, – человек в коротких штанах говорил не повышая голоса, но болтовня новоприбывших сразу стихла. – На этом острове меня зовут Айра. Я буду принимать у вашей группы Пробу, по мере того как вы будете готовы. Станьте в ряд и назовите ваши имена.

Мальчишки моментально построились. Крокодил предусмотрительно встал на левом фланге. К нему – наверное, инстинктивно – опять прибился Тимор-Алк; обнаружилось, что зеленоволосый выше Крокодила почти на полголовы, да и прочие претенденты, даже совсем юные, ростом не уступают взрослым.

Красавец, первым прыгнувший с лодки, назывался Полос-Над. Крокодил внимательно слушал имена прочих, пытаясь запомнить с первого раза. Многие нервничали, скрывая страх под смехом или бравадой. Таких инструктор моментально одергивал:

– Спокойно. Пока мне нужно от тебя только имя, больше ничего. Повтори.

– Андрей, – сказал Крокодил, когда до него дошла очередь. – Васильевич. Строганов. Можно просто Андрей.

– Мигрант? – сухо спросил Айра.

– Да.

– Лодка там, – он перевел взгляд на Тимор-Алка. – А это что у нас за бледно-зеленая поросль?

В строю засмеялись.

– Не понял, – сказал Крокодил. – Что значит...

– Значит, что лодка там, – Айра снова обратился к нему серые, с сиреневым отливом, мутноватые глаза. – Садись в лодку, и счастливого обратного пути. – Не понял, – повторил Крокодил и впервые по-настоящему растерялся.

– Как тебя зовут? – игнорируя Крокодила, Айра смотрел на зеленоволосого.

– Тимор-Алк, – ответил парень, на этот раз неожиданно высоким звенящим голосом.

– Ты метис?

– Да.

– Тебе нужны полные гражданские права?

– Да.

– А ты уверен, что они тебе нужны?

– Уверен, – Тимор-Алк смотрел в мутные глаза инструктора, и его собственные зрачки понемногу заволакивались туманом. – Уверен. Да.

– Одну минуту, – сказал Крокодил. – Мне сказали, что я имею право сдать Пробу, как все прочие. Меня обманули?

– Ты имеешь право, – Айра посмотрел на него с безгловым сочувствием, – испытывать мое терпение, отнимать время у меня и у ребят, мучиться и размазывать сопли. И через много тяжелых дней прийти в итоге на этот же берег, к этой же лодке, только ее потребуется специально вызывать ради тебя и тратить общественный ресурс. Результат будет тот же. Но уезжать тебе будет обиднее в сто раз. Я понятно объяснил?

Мальчишки притихли.

– Мне нужны полные гражданские права, – сообщил Крокодил. – И я их получу.

– Не получишь, – Айра поморщился. – Не ты первый, Андрей Строганов. По-честному нашим следовало принять закон, не допускающий мигрантов к сдаче. Но это означает проблемы с Вселенским Бюро миграции. Ты едешь или нет?

Длинную секунду Крокодил колебался. Этот Айра одновременно злил его и обескураживал.

– Ты имеешь право меня не принять? – спросил он наконец.

– Нет, – тут же отозвался Айра.

– Тогда какого хрена ты выпендриваешься?

Сиреневые глаза Айры потемнели.

– Хорошо, – сказал он отрывисто. – Все за мной, в затылок по одному, бегом марш.

Он махнул рукой Полос-Наду, возглавлявшему строй, и скользнул в едва заметный зазор между кустами, туда, где пряталась, оказывается, тропинка. За ним потянулась колонна, берег начал пустеть; Крокодил оглянулся и увидел лодку. Офицер на корме смотрел на него.

Это был очень неприятный момент. Еще можно было переменить решение. Можно было наплевать на Айру с его угрозами, просто повернуться и уйти – чисто, спокойно – и на материке сказать миграционным чиновникам, что передумал проходить Пробу. Бледный Тимор-Алк вздохнул сквозь зубы: он, понял Крокодил, в этот момент подумал то же самое.

Оба решились одновременно. Крокодил пристроился к колонне и оказался предпоследним; спустя мгновение за его спиной засопел Тимор-Алк. Тропинка шла в гору: утоптанная тысячами ног, она оставалась неровной, местами скользкой, и колючие ветки норовили потрогать лицо. Прямо перед Крокодилом очутилась спина впереди бегущего подростка, облепленная мокрой рубашкой; парень двигался немного суетливо, слишком работал плечами, и Крокодил подумал, что этот скоро выдохнется.

Он не любил кроссы – а кто их любит. Но он никогда и не боялся длинных дистанций; раздражала мокрая одежда, но к этому можно притерпеться. Крокодил расслабился как мог, настроил дыхание и стал думать.

Позади сопел зеленоволосый. Он метис, оказывается; интересно, от каких межрасовых браков рождаются такие вот Тимор-Алки. Его папа зеленый, как трава? Или мама? И почему в «гуманном обществе» считается возможным насмехаться над метисом, называя его «бледно-зеленой порослью»? Или, поскольку мы на дикарском острове, приличий тут нет, одни инстинкты?

Тропинка петляла. Рубашка понемногу высыхала, а спина, наоборот, увлажнялась: Крокодил давно не бегал кроссы, да и внезапная эмиграция с Земли здоровья не прибавила. Но парень, бегущий впереди, выдохся раньше, хоть был моложе и здоровее с виду. Сынки, подумал Крокодил злорадно. Мы еще посмотрим, кто тут первый получит гражданские права.

Дорога выровнялась, и бежать стало легче. Кусты расступились, на короткое время показался горизонт и край сиреневого моря. Потом тропинка углубилась в лес – густой и влажный, полный птичьего чириканья, щебета, свиста. Тучами носились прозрачные насекомые на фиолетовых крыльях, в плотном воздухе стоял низкий звон. Ого, с уважением подумал Крокодил. В самом деле дикое место.

На повороте он несколько раз видел строй целиком – впереди по-прежнему бежал Айра, так буднично и экономно, что сомнений не оставалось: этот может и день, и два чесать вперед, не думая о воде и пище. Черноволосый красавец Полос-Над мягко трусил следом, за ним, чуть не наступая на пятки друг другу, бежали пять или шесть крепких парней, потом длинная прореха в строю – и краснощекий, рано сбившийся с дыхания подросток, большую часть сил расходующий на то, чтобы догнать. Спортлагерь, вспомнил Крокодил. Военные сборы. Не думал, что снова придется начинать все сначала, но опыт дает преимущество. Поиграем, дети, ведь приз того стоит.

Он настроился на долгий, выматывающий кросс, но дорога вдруг закончилась. Сперва пошла вниз, потом из каменистой сделалась мягкой, травяной, потом оборвалась на круглой поляне посреди лесного лагеря. В отдалении виднелись среди веток шалаши, или навесы, или вигвамы, дымились три или четыре кострища, обложенные камнями; Айра остановился и подождал, пока подтянется колонна.

Ни Крокодил, ни Тимор-Алк не были удостоены даже взгляда.

– Внимание, это наша база, – по тому, как Айра говорил, было ясно, что дыхание у него ни капельки не участилось. – Предыдущая группа полностью сдала Пробу, сегодня вечером посвящение. Важный вопрос: кто-нибудь хочет пройти испытание без подготовки?

Полос-Над, как видно, был готов к такому повороту и даже ожидал его. Он тут же выступил вперед и замер в готовности, один посреди поляны, с высоко поднятой рукой. После короткого замешательства за ним шагнули еще трое. Их руки протянулись к небу, почти полностью скрытому кронами.

Айра выждал еще секунд пять, потом кивнул:

– Хорошо. Вы, четверо, со мной. Если сдадите – поедете домой полными гражданами сегодня, после полуночи, со старой группой. Если нет – останетесь и будете сдавать со всеми. Прочие: отдыхаем, находим себе жилье и еду. Удачи.

Он повернулся ко всем спиной, загорелой и матовой от пыли, и скрылся в лесу, только ветки качнулись. Четверо самоуверенных парней последовали за ним. Стихли их шаги, и сделалось очень тихо, только в высоте среди крон звенела и сладко булькала птица. Выжила, подумал Крокодил. Странно, что столько пташек еще живут в лесу, где голодным подросткам самим предложено добывать себе еду!

* * *

Оказалось, однако, что вопрос с пропитанием решается просто. В сотне метров от лагеря обнаружилась речка – небольшая, но полноводная. Особенный цвет неба придавал речной поверхности сиреневатый оттенок.

Подростки – во всяком случае, большая часть – знали заранее, чего от них потребуют в первый же день. У них, наверное, целые сообщества существуют в Сети, думал Крокодил. В каком лагере лучше сдавать, какой инструктор «валит», какой нет. Другое дело, что им не дают возможности выбрать лагерь и инструктора. Крокодилу, во всяком случае, не дали: просто назначили время и место сбора.

Реку нашли моментально. У самого берега было мелко, дно песчаное. Кое-кто тут же разделся догола: эти мускулистые парни явно провели отрочество не на диване и даже не за партой, а в местном аналоге тренажерного зала. Крокодил уселся в стороне на берегу и стал наблюдать.

Ребята половчее добывали моллюсков со дна – со знанием дела. На глазах возникали компании, быстренько распределялись новые социальные роли, завязывались дружбы. В воде, не пугаясь толчеи, ходила рыба – Крокодил присвистнул, впервые увидев темную спину на

фоне светлого песчаного дна. Самая мелкая из рыбешек была с метр длиной и толстая, как окорок.

Ловить рыбу руками, да еще на глазах малолеток, он не был пока готов, собирать раковины, сверкая голым задом, – тоже. От лагеря тем временем потянуло дымком; Крокодил встал, потянулся и неторопливо зашагал через лес к поляне.

Группа подростков поскромнее обирала грибы с кирпично-красного ствола – каждый гриб похож был на горбушку хлеба. Крокодил на всякий случай отломил кусок и себе. Мальчишки не стали есть добычу сырым, а отнесли к костру и, насадив на острые палочки, взялись жарить над огнем. Еще один ресурс, подумал Крокодил.

Он подержал свой гриб над костром, стараясь не спалить. Принюхавшись, откусил краешек, подержал во рту. Вкус был овощной, отдаленно напоминающий вареную морковь, – не деликатес, но с голодухи сгодится. Крокодил, решившись, проглотил; первый кусок «дикой» пищи упал в желудок, и ничего страшного не произошло. Во всяком случае, драка за еду в этом летнем лагере не предусмотрена, решил Крокодил.

С реки притащили тем временем пойманную рыбку. Тащили два голых парня, один за голову, другой за хвост, хотя рыба явно не стоила таких усилий: она была оглушена, по-видимому, камнем и полностью равнодушна к своей дальнейшей судьбе. Безжизненную тушку бросили на траву у костра и тут только, облепленные чешуей, спохватились: никаких ножей, ничего, чем можно было бы разделить, выпотрошить, почистить. Решили запечь целиком в глине; Крокодил наблюдал.

С ним никто не заговаривал. Он не заговаривал ни с кем. Зеленый метис Тимор-Алк, тоже совершенно одинокий, встал, отряхнул колени и зашагал по направлению к шалашам на краю поляны – он был полностью одет, сандалии не снял, руки держал глубоко в карманах коротких штанов.

Крокодил подумал и тоже пошел поглядеть, где тут можно «найти себе жилье».

Всего шалашей было три: два ветхих и один новый, со свежими еще листьями на крыше. Первый же дождь, подумал Крокодил, зальет такой «пороссячий домик» за полчаса. Он заглянул внутрь; пахло сыростью, землей и потом. Вереочные гамаки, прикрепленные к врытым в землю столбам, висели в три яруса вдоль стен. Кроме гамаков, никакой мебели не предлагалось.

У Крокодила испортилось настроение. В миграционной «гостинице» он жил в отдельном доме с зеленой травкой на полу, с большими окнами, удобной мебелью и великолепно оборудованным санузелом. Здесь, по всей видимости, роль туалета исполняла выгребная яма.

Снаружи носились, жужжа и звеня, насекомые. Тимор-Алк, не вынимая рук из карманов, стоял перед плетеной стенкой – единственной стеной местного сортира. Снаружи все выглядело именно так, как боялся Крокодил, – настил со множеством дыр. Но запаха не было. Крокодил отлично знал, какой в подобных местах бывает запах.

– Не воняет, – сказал он Тимор-Алку.

– Там очиститель, – зеленоволосый показал куда-то вниз. И, помедлив, спросил: – Ты мигрант?

– Да.

– Откуда?

– С Земли.

– А...

Он был скуластый, очень бледный, похожий на раскрашенную гипсовую статую. Глаза не красные, как у альбиносов, а карие, с таким же сиреневым оттенком, как у инструктора Айры. По глазам Крокодил понял, что парню очень одиноко, очень неудобно здесь, что он готовится к худшему и страшно рад, что Крокодил с ним заговорил.

– Ты слышал о Земле? – заинтересовался Крокодил.

- Только то, что с нее бывают мигранты. Нечасто.
- А откуда больше всего приезжает мигрантов?
- Раньше много было с Лоа, – подумав, сказал Тимор-Алк, – но они не ездили на Пробу.
- Почему? – спросил Крокодил с интересом.

Метис пожал плечами:

– А зачем? У них нет разницы... нет представления, полноправный или зависимый. У них в родном языке слов таких нет, поэтому они поначалу путали... путались.

– Так, – сказал Крокодил. – А теперь мигрантов с Лоа меньше?

– Теперь совсем нет, – зеленоволосый провел по земле ногой в пыльной сандалиии. – Их планета взорвалась, только пыль осталась.

– А, – сдавленно сказал Крокодил. – Тогда понятно, отчего они мигрировали.

– Это они сперва мигрировали, кто поумнее. А потом Лоа перевели в зону бедствия, а жителей всех в категорию беженцев и стали пачками засылать на новые миры, где вообще ничего нет, только атмосфера искусственная. Даже почвы нет. А на Раа им закрыли договор.

– Закрыли договор?

– Ну, перестали принимать на Раа...

Наверное, я тоже немного путаюсь после переустановки языка, подумал Крокодил. Мне до сих пор кажется, что я думаю по-русски, но «любовь» и «кровь» в этом языке не рифмуются.

– Ты, выходит, много встречал мигрантов? Как у вас на Раа к чужакам относятся?

Тонкие губы парнишки чуть напряглись. Как будто разговор свернул на неприятную для него тему.

– Раньше было больше, – сказал он будто через силу. – А относятся по-разному. Как обычно к людям.

От костров шли, весело переговариваясь, трое – с явным намерением осчастливить сортир. Белая кожа Тимор-Алка вдруг резко порозовела, он неловко кивнул Крокодилу и пошел в лес, будто по срочному делу.

* * *

После полудня, когда новоприбывшая группа успела поесть, разобрать гамаки, снова проголодаться, кое-как добыть пропитание и еще раз поесть, в лагерь вернулись подростки, уже прошедшие свою Пробу, – прежние хозяева лагеря, ныне полноправные граждане Раа. Все они были полуголые, в коротких рваных штанах, похожих на набедренные повязки. Все держались с исключительным высокомерием «дедов», впервые приветствующих салаг.

Из разговоров, почтительных с одной стороны и покровительственных с другой, выяснилось, что:

– из тридцати пяти претендентов в их группе четверо уплыли домой раньше времени, так и не получив статуса;

– в их группе был другой инструктор, не Айра;

– сегодня с наступлением темноты на поляне у костров пройдет посвящение, потом праздник, и на рассвете новые граждане уплывут на материк.

«Старики» притащили с собой огромную, уже освежеванную тушу огромного зверя – не меньше быка, подумал Крокодил с некоторым беспокойством. Откуда-то появились кухонные тесаки и железные опоры для вертела, среди хозяйственных построек обнаружилась каменная печь. Крокодил наблюдал, как «быка» собираются жарить на вертеле целиком, и грустно думал, что при таком подходе есть придется наполовину горелое, наполовину сырое мясо.

Он по-прежнему держался в стороне. Коллектив в основном сформировался – стало ясно, кто чей друг, кто лидер, кто весельчак, кто ленивец. Двое чужаков – мигрант и метис – только подчеркивали своим присутствием логичность и цельность этого сообщества.

Распечатали тук с одеждой – кто-то из «стариков» выполнял обязанности интенданта. Внутри не было ничего, кроме штанов из плотной материи – коротких широких штанов приблизительно одного размера. Точно такие же, только выдавшие виды, прикрывали наготу «стариков»; претендентам объяснили, что штаны, в которых проходили Пробу, каждый увозит домой и хранит потом как реликвию. Крокодил хмыкнул.

Драки за одежду не случилось – не за что было драться. Никакого белья надевать не полагалось, мешковатая одежда удерживалась на талии широким мягким ремнем. С точки зрения Крокодила, претенденты были уморительно смешны; в пальмовых юбочках они смотрелись бы еще органичнее. Интересно, каким же видят на Раа полноправного гражданина, если на пути к этому званию приходится спать в гамаке и ходить по лесу полуголым?

Он почти успокоился. Эта их пресловутая Проба выглядела как юношеский ритуал, вроде присяги в армии или посвящения в студенты. Мальчики, привыкшие к комфорту, должны продемонстрировать сильное желание стать гражданином – на острове, в джунглях, босиком по камням. Интересно, как подобное испытание проходят девочки?

В сумерках вернулся Айра с четверкой кандидатов. С Полос-Нада чудесным образом слетела спесь: юный красавец осунулся, пропах кислым потом, на руках бугрились свежие шрамы. Крокодил глазам своим не поверил: с утра никаких шрамов на парне не было. Трое его товарищей едва волочили ноги, шумно дышали и, едва дотавившись до лагеря, мешками повалились на землю.

– Не вышло, – с сожалением сказал Айра.

Этот был так же свеж, как утром на берегу. Разве что пыли, облепившей его голый торс, плечи, лицо и шею, стало заметно больше – из бронзово-загорелого Айра сделался коричневым.

И это тоже воспитательный момент, подумал Крокодил. Выделить самых нахальных и на деле объяснить, что они ничем не лучше прочих. Конечно, он не засчитал бы досрочно пройденного испытания ни при каких условиях – это такая игра.

Он прислушался к себе и обнаружил, что почти не тревожится. Подумав однажды о девочках – как они проходят испытание, – он уже не мог остановиться, и фантазия его заходила дальше, чем хотелось бы. Вообразить «туземный» лагерь, полный девушек от пятнадцати до семнадцати... Это педофилия, граждане, немедленно стоп!

Он расхохотался. На него покосились, но ничего не сказали.

Потом явился инструктор старой группы, молчаливый и смуглый мужчина лет сорока. С его появлением и «старики» растеряли высокомерие. К большому удовольствию Крокодила, инструктор моментально велел снять «быка» с вертела и разделить, как полагается. Запахло мясом, собрались из лесу разнообразные мухи – но, в отличие от земных, они не вызвали у Крокодила отвращения. Все равно что бабочки слетелись.

Подростки, только что прибывшие на остров, старались помочь – или, по крайней мере, изображали такое старание.

– Сидим? – от Айры не укрылась, конечно, выжидательная позиция Крокодила.

– Не было других распоряжений, командир, – отозвался он, не вставая.

Айра отошел, не сказав ни слова. Крокодил запоздало раскаялся: ему бы поискать подходы к этому человеку, он ведь собирается успешно пройти Пробу, а не устраивать скандал. Но манеры Айры бесили его. Тот был, пожалуй, всего на пару лет старше Крокодила: в отличной физической форме, с авторитарными замашками, но заурядный, в общем-то, мужичонка. Из тех, что дуреют от крохотной власти. А тут такой подарок: власть над пацанами, которые из кожи вон лезут, лишь бы пройти испытание...

Быстро темнело. В лагере сделалось суетливо и тесно. Крокодил ушел к реке и сел на камень, глядя на звезды в воде. Незнакомый рисунок созвездий дополнялся сотнями спутников, ползущих быстро и медленно: там автоматические заводы на орбитах, там конгломераты

фабрик, беспилотные сухогрузы и контейнеровозы, склады и отделы технического контроля. Там колоссальное производство, а здесь – тишина, и вода, и дикарский лагерь для подростков. Правильно ли я сделал, выбрав Раа?

Он задумался. Красота этого места, такая странная, такая яркая, не давала ему поверить в плохое. Но факт остается фактом: четверо из предыдущей группы уехали домой раньше времени, не получив статуса. Четверо обычных местных парней, не мигрантов. Четверо из тридцати пяти.

После дневной жары снова становилось зябко. Плед бы, подумал Крокодил с грустью. Теплый клетчатый плед. И шезлонг. И рюмку коньяка. Ничего этого не предусмотрено в юрском периоде... Но что я имел в виду, когда говорил себе, что будущего на Земле нет? И почему, так меня растак, я не объяснил *внятно*, что случилось?

Лоа взорвался. Там теперь пыль. Кто успел – торчит сейчас беженцем на голых астероидах. Кто не успел... неохота думать. А синекожий с Дару, что встретился Крокодилу в столовке для мигрантов, – тот мудрец, выходит. Рано спохватился, дорого заплатил. Вот как Крокодил.

Вдыхая запах дыма, он вспомнил свою кухню. Семь квадратных метров; пустой вазон на подоконнике – там был кактус, но почему-то сдох. Клетчатый стол и след от чьей-то сигареты на ламинированном полу. После развода со Светкой они продали трехкомнатную квартиру, оставшуюся Андрею от матери, и купили себе каждый по «однушке». Светка моментально сдала свою внаем. Это было три года назад... Первое время Крокодил виделся с сыном по выходным, но тот был еще маленький, его интересовал не столько отец, сколько новые игрушки... Во всяком случае, так казалось.

Потом Светка вышла замуж за какого-то... Потом уехала в Англию... Или все-таки в Германию? Светка будет последней, кто заметит, что Крокодил куда-то делся.

Как хорошо, что он не успел завести собаку. Что у него даже хомяка нет. Вот он пропал – собака сидела бы взаперти, выла... А так будет тихо. Никто не вззоет. Станут звонить из редакции. Дня через три...

или пять? Когда он не сдаст работу в четверг – вот тогда они первый раз удивятся...

Да нет же! Не удивятся! На Земле еще нет ни собак, ни секретарш: ни питекантропа, ни Магомета, ни Христа, ни фараона. До рождения Крокодила – миллионы лет. Никто не хватится.

Он сидел, обхватив руками колени, глядя на воду. В воде отражались сотни искорок: вертелись спутники, пытели заводы, герметически изолированные от окружающего пространства, плыли транспортные корабли. Я вполне мог эмигрировать просто от скуки, подумал Крокодил. Но мне хочется верить, что Земля взорвалась через пару месяцев после того, как я подписал миграционный договор. За это гадкое желание я себя презираю.

От лагеря потянуло нормальным, совершенно земным духом жареного мяса. Крокодил сглотнул слюну: самокопание на этом острове не более уместно, чем строгий ошейник на йоркширском терьере. Путь у него всего два: завоевать себе статус на Раа либо найти способ вернуться домой. Либо сперва завоевать статус, а потом, используя его, отыскать пути назад.

Уже шагая к костру, Крокодил подумал: что, если Айра публично прогонит его от костра под тем предлогом, что «он дров не носил, он печку не топил, он кашу не варил»?!

Заодно и проверим, решил он мрачно.

* * *

Никто ему и слова не сказал. Все сделали вид, что мигранта здесь нет.

Истекающее соком мясо ломтями лежало на огромных жестких листьях. Туши «быка» хватило, чтобы вдоволь накормить ораву голодных подростков. Насытившись, вчерашние мальчишки, а ныне полноправные граждане Раа выстроились в длинную шеренгу – старшему

было лет восемнадцать на вид, младшему – не больше четырнадцати, но Крокодил опять поразился, какие они высокие. Пожалуй, в целом выше взрослых; их инструктор, коренастый молчун, был на полголовы ниже любого из них. Новоприбывшие во главе с Айрой расположились «в партере»; инструктор старой группы прошелся перед шеренгой, со значением заглянул каждому в глаза, а потом крикнул: «Есть!» – и вскинул к небу кулак. Подростки повторили его возглас и жест – от рева тридцати глоток вздрогнули высокие кроны. И тут же прямо из воздуха возникла песня.

Негромко, но на удивление слаженно пели ребята, прошедшие Пробу, а новоприбывшие подпевали вполголоса, как бы тайком. Ударили ладони, застучали палки по стволам, отбивая ритм; это наше право – пелось в песне. Мы здесь по праву. Растет трава, течет вода, челнок выходит на орбиту – по праву. Светится день, и темнеет ночь, я возвожу свое жилище – по праву. Мы здесь по праву.

Инструктор отрывисто называл имена, ухитряясь попадать точно в ритм. Новые граждане выходили к костру. При свете огня их лица казались медными, губы у многих лоснились от мяса. Не было варварских обрядов: никого не мазали кровью, не кололи иголкой, никто не плясал в перьях – только песня звучала, с каждым куплетом набирая мощь. В ней слышалась глухая, глубоко спрятанная угроза.

Инструктор надевал на шею каждому новому гражданину деревянную плашку на цепочке. Эти «деревяшки» походили на временное удостоверение Крокодила, как «БМВ» на «Запорожец». Когда последний в группе получил свое право, песня звучала на весь лес. Откуда-то появились трещотки, погремушки, самодельные барабаны; новые граждане – абсолютно, феерически счастливые – ринулись в танец вокруг костра. Крокодил ощутил зависть.

Новички, прибывшие сегодня, зависти и не скрывали. Крокодил исподтишка стал разглядывать лица: Полос-Над сидел грустный, воображал, наверное, что уже сегодня мог бы танцевать с победителями. Зеленоволосый Тимор-Алк устроился в стороне, плотно сжал губы и смотрел мимо танцующих, мимо огня, в пространство.

«Это наше право. Мы здесь по праву. Жены рожают детей – по праву. Учитель растит росток – по праву. Мы здесь по праву».

Тимор-Алк встал и ушел в темноту. Никто даже не повернул головы.

Крокодил, тоже сидевший чуть в стороне от общего праздника, поднялся раньше, чем понял зачем.

Белая спина Тимор-Алка далеко виднелась в светлой ночи. Крокодил догнал его. Мальчишка обернулся резко, как распрямляется пружина:

– Чего ты ко мне привязался, мигрант?!

Крокодил опешил. Зеленоволосый был, кажется, на грани истерики.

– Ладно, иди себе, иди...

Тимор-Алк ушел, шелестя травой. Крокодил постоял, слушая шум у костра. Вернулся в лагерь, неторопливо выбрал себе гамак и лег, не надеясь уснуть, глядя сквозь ветки в залитое светом небо.

Подростки из прежней группы, и с ними инструктор, уехали после полуночи, и в лесу снова сделалось тихо.

* * *

– Человек – свой хозяин.

Айра, чисто вымытый, с каплями речной воды на груди и плечах, стоял перед претендентами. Все – и Крокодил – стояли перед ним, одетые в короткие свободные штаны.

– Человек не позволяет обманывать себя. Человек видит то, что есть, а не то, что хотелось бы.

Айра не закладывал руки за спину, не скрещивал на груди, не тер ладони, ничего не вертел в пальцах и не помогал себе жестами: его руки были опущены, но язык не поворачивался сказать о них «висели». Айра говорил «человек», и Крокодил понимал, что используется слово со множественным значением: «полноправный гражданин», «хозяин». Он понимал, что по-русски это звучало бы по-другому, и маялся, как принцесса, которой под матрац подложили булыжник.

– Мы живем на войне, мы – тонкая мембрана, поле борьбы между материей и духом, которые вечно спорят, что первично. Человек – боец обеих армий. Человек – пограничный знак.

Мальчишки слушали, кто жадно, кто с некоторой робостью. Что они понимают, думал Крокодил. Я не понимаю ничего или почти ничего. Или это ритуальные заклинания, в которых не должно быть особого смысла? Человек как поле борьбы между материей и духом... Обладеть.

– Проба – это Большой Смысл. Отрицательный результат – тоже результат; я говорю это потому, что не все из вас получают удостоверения. Тот, кто не получит, должен помнить: это не конец жизни. Это тоже ответ, пусть нежелательный. Но это ответ.

Утешительно, подумал Крокодил. Четверо парней во главе с Полос-Надом, завалившие досрочное испытание вчера, казались подавленными и глядели на Айру исподлобья.

– Сегодня ваш первый подход к Пробе. Вижу, вы успели переодеться. Теперь возьмите вот это.

По его команде двое парней вытащили на середину поляны огромный кожаный тюк, внутри которого скрежетало железо. Разложили на траве, вчера вытоптанной до голой земли, а сегодня с утра опять зазеленевшей. Крокодил вытянул шею: внутри, на потертой коже, лежали большие ножи в деревянных ножнах: три десятка одинаковых ножен с торчащими из них рукоятями.

– Разбирайте.

Крокодил подавил желание кинуться к тюку в числе первых. Небольшая свалка имела место, а Крокодил не опускался до толкотни с подростками. Выждал несколько секунд и взял лучший из трех оставшихся ножей – вернее, убедил себя, что этот лучший. Определять не было ни времени, ни возможности.

Ножи оказались тесаками – широченными, очень острыми, грубыми клинками. Несколько минут ушло на изучение, пробы, попытки обмена. Крокодил одним из первых додумался, как прицепить ножны к поясу.

Вооружившись, полуголые мальчишки сделались похожи на стаю маньяков. Крокодил еще раз проверил, нельзя ли подтянуть ножны повыше; на бегу, думал он, эта штука набьет мне здоровый синяк. А если откуда-то свалюсь – вообще рукоятью проткнет внутренности.

– Человек – свой хозяин, – медленно повторил Айра, расхаживая по поляне. – Хозяин и тела, и духа... Камор-Бал, сколько ударов сердца за единицу?

Крокодил помотал головой, пытаясь сообразить. Единица – в местной системе величин чуть больше минуты. Удары сердца – это просто пульс. Парня спросили, какова у него частота пульса в данный момент; парня зовут Камор-Бал. То, что Айра запомнил все имена с одного раза, стало ясно еще вчера.

– Семьдесят, – не считая пульса, отозвался Камор-Бал, невысокий тощий паренек с очень длинными, собранными в хвост волосами.

– Ты уверен?

Парень чуть напрягся:

– Семьдесят два.

Айра кивнул:

– Внимание всем: сейчас мы побежим и будем бежать долго. Но ваша выносливость меня интересует во вторую очередь. В первую очередь вы мне продемонстрируете способность быть своим хозяином. Всем понятно?

И он глянул прямо на Тимор-Алка, стоявшего в стороне от всех с тесаком на боку – очень бледного и бесцветного в это утро, если не считать зеленого газончика на голове.

* * *

Крокодил пристроился на этот раз в самом хвосте колонны, а парень-метис занял место перед ним. Претенденты бежали цепочкой – сперва по мягкой тропинке среди леса, потом по каменистой дорожке над обрывом. Крокодил успевал вертеть головой: дорожка все круче забирала вверх, и открывался вид на утреннее море, гладкое и сиреневое, будто кисель в огромной чашке.

В последний раз он ходил босиком в деревне у бабушки. Его бабушка была горожанкой в третьем поколении, на старости лет купила дом в деревне и очень об этом жалела. Огород у нее весь порос лопухами. С соседями отношения не сложились. Тем не менее считалось, что ребенку летом место в деревне, и маленький Андрей неделями скучал, читал желтые подборки журналов, предназначенных для растопки, и ходил босиком. По траве – отлично, по песку – приятно, по нежной, как пудра, пыли – замечательно, по жирной дорожной грязи – великолепно...

На лесной тропинке его ступни сперва разогрелись, потом начали саднить. Мелкие камушки впивались в подошвы, но в целом дело было терпимое; ребята, бежавшие вместе с ним, тоже не босоногими выросли. Эти «эльфы», или «туземцы», предпочитали очень удобную обувь: Крокодил успел оценить их сандалии с мягкой подошвой.

А теперь, сдавая экзамен на право быть полноправным гражданином, они шлепали по камням босыми пятками. Практической пользы от этого не было никакой – символический акт, «преодоление себя». «Быть своим хозяином» – если разобраться со словами, которые в этом новом родном языке имели немного другой смысл, означает всего лишь «владеть собой». Обряд инициации подростков в постиндустриальном обществе... В случае с Раа – в постпостиндустриальном...

Деревянные ножны хлопали по бедру. Он еще относительно удачно их приспособил: синяк будет, но не страшный. Штаны из грубой материи натерли нежную кожу. Не прислушиваясь к физическим неудобствам, Крокодил вертел головой: он разглядел суденышко на горизонте, разглядел быстрый старт далекой, видимо, ракеты – сверкающую белую линию, рванувшую вверх и растаявшую в сиреневато-синем небе. Он разглядел стаю птиц высоко над островом – они парили, как воздушные змеи.

Потом он наступил на острый край камня, да так неудачно, что порезал ногу, и подошва начала слегка кровоточить. Драматический эффект, подумал он весело. Инициация у первобытных народов обычно связана с кровью: смерть и новое рождение, муки и радость. Надеюсь, в своем садизме организаторы мероприятия не зашли слишком далеко?

Не думает же Айра, что Крокодил не в состоянии пробежать с мальчишками пару десятков километров? С другой стороны, это деление на полноправных и зависимых граждан – по какому признаку? По какому принципу, неужели спортивной подготовки, выносливости и готовности терпеть самодурство начальника?

Ноги стали болеть всерьез, прямо-таки дергали на каждом шагу, и Крокодил отвлекся от созерцания окрестностей. Время было подбодрить себя: он видывал и не такое. Он бегал кроссы с полной выкладкой, в сапогах, под знойным июльским солнцем. А пацаны такого опыта не имели и понемногу выматывались: вот один начал медленно отставать, пропуская товарищей и продвигаясь вдоль колонны все ближе к хвосту; вот другой сбился с шага, запрыгал на

одной ногой, отодвинулся на обочину. Его огибали боком, втянув живот: тропинка была узкая, справа зиял обрыв. Зеленоволосый Тимор-Алк держался, не сбивался с шага, и Крокодила это почему-то радовало.

Потом тропинка резко пошла вниз. Стало легче бежать.

Потом послышался шум воды. Крокодил жадно облизнул губы. За поворотом открылся водопад; Айра повернул – и повел подростков по тропинке вверх, сквозь тучи брызг, так что они моментально вымокли. Крокодил украдкой слизнул несколько капель с тыльной стороны ладони.

Тропинка сделалась такой крутой, что кросс перешел в карабканье. Рев водопада отдался; почти над самой головой Крокодила мелькали грязные пятки Тимор-Алка. Сыпались мелкие камушки. Крокодил подумал, что в таком месте, пожалуй, следовало о страховке позаботиться, а то сорвется кто-то в голове колонны – и полетит на камни вереница неудачников, по дороге превращаясь в груды...

К моменту, когда Айра остановился, половина мальчишек уже едва держалась на расцарапанных сбитых ногах. Крокодил и сам чувствовал себя неважно, но Айра не запыхался нисколько и, пожалуй, мог бы петь. – Выравниваем дыхание. Замедляем пульс. Кто первый войдет в семьдесят ударов – поднимайте руку... Воду не пить!

Тимор-Алк, уже вошедший в речку по щиколотки, испуганно отшатнулся.

Крокодил посмотрел по сторонам. Место остановки использовалось, видимо, многократно: полянка на берегу реки утоптанная, удобная, с мягким спуском к воде. Крокодилу больше всего на свете хотелось рухнуть сейчас в эту речку, лежать на мелководье и хлебать широко открытым ртом; здесь пьют из речек и даже не кипятят воду, вот это экология. На Земле, пожалуй, не осталось места, где человек, если он не самоубийца, может без страха пить из реки...

Он с неохотой отвернулся от воды. Будем играть по правилам; на противоположной стороне полянки, параллельно берегу, лежало бревно на низких опорах, и Крокодилу подумалось о гимнастических упражнениях, разных там кульбитов и стойках. Парни, не желая смотреть на соблазнительную воду, почти все повернулись лицом к лесу: поднимали и опускали руки, дышали, сопели, выполняли распоряжение инструктора кто во что горазд.

Тонкие стволы стояли в этом месте почти вплотную друг к другу, и лианы образовывали между ними крупноячеистую сетку. Крохотные, с ноготь, бабочки проскальзывали сквозь нее и зависали над махровыми цветами. Крокодил отвлекся от боли в разбитых ногах.

Выравнивать дыхание и замедлять пульс он умел еще в школе, спасибо, хороший попался тренер в секции легкой атлетики. Считать пульс без часов или секундомера – не мог, да и руку поднимать категорически не хотелось – как-то это унижительно. Поэтому Крокодил ограничился тем, что, глядя на бабочек и по возможности расслабившись, занялся дыхательной гимнастикой.

Воздух здесь был чудодейственный. Я мало спал, думал Крокодил, я не принял горячий душ, я не в своей тарелке. А тем не менее мне хорошо, и даже боль в разбитых ногах до поры до времени не очень трогает. Наверное, все дело в атмосфере – здесь очень чисто. Не зря этот тип из Бюро миграции предлагал мне в первую очередь Раа.

Ему сделалось весело. Уверенность Айры, что мигрант обязательно завалит Пробу, показала в этот момент смешной; он вздохнул еще раз, другой и вдруг почувствовал, что кто-то стоит за плечом.

Он обернулся. Айра стоял, пригнувшись, во всяком случае, вид у него был как у собаки, берущей след.

Секунду они смотрели друг на друга. Потом Крокодил широко улыбнулся и поднял руку; он понятия не имел, какой у него сейчас пульс, но кураж взял свое.

– Семьдесят пять, – сказал Айра, подрагивая ноздрями. – Не идеально, но в рамках нормы... Ты в самом деле особенный, не такой, как все мигранты, да?

Что-то в тоне инструктора не понравилось Крокодилу. Хотя Айра говорил, кажется, вполне искренно и даже доброжелательно.

Ребята, один за другим, справлялись с первым заданием. Полос-Над, привыкший быть лидером, закончил работу во втором десятке, сразу за Тимор-Алком. После вчерашней неудачной попытки Полос-Над еще не восстановился: на висках у него никак не высыхал пот, а смуглое лицо казалось желтым.

– Хорошо, славно, – Айра выпрямился, руки его опустились вдоль тела, как будто инструктор сознательно экономил на жестах. – Теперь, пожалуйста, показываем регенерацию в том объеме, в котором каждый из вас владеет восстановлением. Сразу предупреждаю: я никому не буду помогать. Рассчитываем – делаем – показываем. Вперед.

Никто не сказал ни слова. Полос-Над еще больше побледнел, и только природная смуглость кожи не давала ему сравниться с Тимор-Алком. Мальчишки, один за другим, потянули из ножен тесаки, и Крокодил следил за ними с беспокойством.

Он вытащил свой тесак, еще не зная, что с ним нужно делать. Камор-Бал, паренек с собранными в хвост волосами, быстро покосился на Крокодила – и полоснул себя кончиком тесака по тыльной стороне ладони.

Крокодил растерялся.

Мальчишки сосредоточенно резали себя – кто-то так распорол руку, что кровь, будто дождик, застучала по листьям. Тесаки немедленно вернулись в ножны, некоторые полетели в траву: мальчишки стояли, сидели, валялись на земле, кто-то смотрел на порез, кто-то в небо, кто-то плотно зажмурился. Кто-то бормотал, кто-то напевал сквозь зубы. Поляна сделалась похожей на палату раненых в бреду: ропот, ноющее пение, тихий свист, шепот, тяжелое дыхание и запах крови.

Тимор-Алк решил последним. Его кровь была гораздо светлее и гуще, чем обычная человеческая, – она казалась разведенной молоком. Крокодил, как ни был потрясен, заметил это и поразился еще больше.

– Ты примешь участие в Пробе? – вкрадчиво спросил его Айра.

– Не вопрос, – отозвался Крокодил, стараясь говорить небрежно.

Камор-Бал, парень осторожный и осмотрительный, порезал себя чуть-чуть. Теперь он стоял, вытянув вперед руку, и Крокодил мог видеть, как сворачивается кровь, как соединяются краешки пореза, как рана затягивается и покрывается корочкой.

– Если нет – скажи сразу, – сказал Айра, на этот раз участливо.

– Да, – проговорил Крокодил сквозь зубы.

Он повертел в руках тесак и полоснул себя по руке, собираясь только чуть-чуть, для вида, пораниться. Перестарался, не рассчитал – брызнула кровь, и ощущение было не из приятных. Крокодил покачнулся, тупо глядя на рассеченную руку.

Дурак. Зачем? Что он, всерьез собирается показать свое умение силой воли затягивать раны? Регенерировать? Может, еще и пальцы дополнительные отрастить?

Идиоты, подумал в сердцах. Что, полноправному гражданину Раа необходимо умение отращивать кожу, восстанавливать сосуды за несколько минут? Может, вам еще и хвост заодно? Жабры? Крылья, плавники?

Я должен был ехать на Кристалл. Меня надули, как ребенка, а я даже не вздумал бороться за свои права. В конце концов, выбирая поселение наугад, я вполне мог ткнуть пальцем в Лимб – там наверняка нет ублюдочного деления людей на первый и второй сорт. По признаку способности к регенерации...

Кровь не торопилась сворачиваться. Капала на босые ступни. Крокодил рукой зажал рану; перетянуть бы сейчас бинтом – за пару дней все зажило бы. А эти – эти, перемазанные красным, со свежими шрамами на предплечьях, ладонях, коленях, – стоят и ржут, как кони!

На самом деле никто не ржал. Мальчишки, за пару минут затянувшие свои порезы, испытывали эйфорию – заговорили сразу несколько голосов. В разговор вступил Полос-Над – он справился, несмотря на свою бледность.

– Я вчера, как дурак, палец себе отхватил, – признался он, будто избавляясь от тяжести. – Я его отрастил, конечно, но потом уже ничего не мог...

– А не надо было выпендриваться...

– Точно, – счастливым голосом согласился Полос-Над, – не надо было выпендриваться!

И они заржали, теперь уже точно заржали, но не над бедой Крокодила, а от собственного щенячьего счастья.

Кровь перестала течь, но рана, разумеется, затягиваться не собиралась. Крокодил вообразил, как ее стягивает невидимый клей; как срстаются сосуды.

Ничего.

Айра шел по поляне, осматривая рубцы на перепачканных кровью руках и коленях.

– Зачет. Зачет. Это ты скупно порезал, боишься. Ладно, на первый раз зачет. А это что? Я просил рассчитывать силы, я не буду помогать. Бывает тут, некоторые деятели не только палец – кисть отхватывали, хотели повыгоднее себя показать... Давай, работай, немного осталось. Ты все правильно делаешь. Заканчивай. Зачет, здесь – зачет...

Он остановился перед Тимор-Алком. Парень-метис стоял, правой рукой сжимая запястье левой, и смотрел, как струится из пореза светлая густая кровь.

– Ну и дрянь же у тебя в жилах, парень, – негромко сообщил Айра.

Крокодил, как ни был занят своим несчастьем, ощетинился. Айра глянул на него через плечо молчаливого Тимор-Алка.

– Что смотришь? Сделал? Или соком течешь, как раздавленный жук?

– Я остановил кровь, – сказал Крокодил по-прежнему сквозь зубы.

– В самом деле? Она сама остановилась. Порез ты стянул?

– Нет.

Айра подошел вплотную. Он имел неприятную привычку вовсе не держать дистанции – вторгался в личное пространство человека, будто нарочно.

– Я тебя предупреждал? Насчет лодки? Я говорил, что лучше сразу уплыть обратно?

– Ты меня не предупреждал насчет регенерации.

– Лучшее, что ты можешь сделать, – уехать на материк сегодня и забрать с собой полукровку.

– Я никуда не поеду, – сказал Тимор-Алк.

Крокодил посмотрел на свою руку. Наверное, какие-нибудь йоги, экстрасенсы, памирские монахи умеют затягивать порез своей волей за несколько минут. Если не сказки. Если хоть кто-то из землян действительно на это способен.

* * *

Колонна во главе с Айрой рысцой углубилась в лес – перед этим инструктор дал парням отдохнуть, выкупаться в речке, смыть кровь и пот. Крокодил остался, и Тимор-Алк остался тоже. Метис сидел над водой, время от времени роняя туда розовые капли, и смотрел на руку с порезом.

Крокодил, не тратя время на ерунду, отрезал две полоски материи от своих штанов, отчего те превратились в пляжные шорты, и перевязал руку. Потом лег, выбрав место поудобнее, и задумался.

Официальный срок прохождения испытания – двадцать один день. Теоретически можно по крайней мере отдохнуть на природе.

С другой стороны, обычные поселения на Раа так же чисты, зелены, снабжены водой и идиллическими бабочками, не говоря уже о роскошных пейзажах. Получив статус государственного зависимого, можно спокойно и тихо работать каким-нибудь сортировщиком газонных семян, на досуге вырезать ложки или писать стихи – это особенно интересно, учитывая, что здесь все рифмы свежие. Здесь нет книг в обычном понимании, только публикации в Сети: хочешь – пиши, не нравится – не читай.

Зависимые могут жениться и заводить детей совершенно свободно. Их дети, повзрослев, могут пройти Пробу и получить статус полного гражданина, а могут не проходить, по желанию. Вот, например, Крокодил женится на местной, смуглой и тонкой, будет ездить с ней на побережье, где полно черного жемчуга. Хозяин – государство, община – оплатит ему отпуск раз в год.

Он может пойти на курсы и научиться водить лодку, например. Теоретически может ничего не делать и отказаться от учебы. Заниматься «самосовершенствованием». Ему не позволят покончить с собой... И поступить на работу в миграционный офис Раа. Видимо, потому, что работа на таких постах предполагает «общественнозначимые решения»...

Боль в ступнях досаждала. Крокодил чувствовал себя оскорбленным и не мог побороть это чувство. Айра во многом прав: он не хозяин себе.

Он подполз к воде, сел и сунул ступни в речку. Облегчение пришло, но ненадолго. Крокодил знал, что через минуту ноги озябнут; кожа на его груди обветрилась и неприятно саднила, а плечи горели, опаленные солнцем. Он не привык ходить без рубашки.

Вода медленно меняла цвет, из сиреневой делаясь зеленоватой. Солнечные пятна играли на ее поверхности.

Тимор-Алк сидел не шевелясь. Крокодил, поднявшись, посмотрел ему через плечо; на тощих коленях парня лежала, будто в обмороке, испачканная кровью рука: пореза не было. Был толстый розовый рубец.

– Как ты это сделал?!

Тимор-Алк посидел еще секунду, потом медленно повернул голову. Зеленые волосы у него на макушке стояли дыбом. Лицо, в тон им, приобрело зеленоватый оттенок.

– Ты затянул! – Крокодил не верил своим глазам. – Как ты это сделал, объясни мне?

– Это незачет, – очень тихо, с трудом выговорил Тимор-Алк. – Зачет – надо уложиться в пятнадцать единиц, порез стандартный... А я до стандарта не дотянул...

Он наклонился вперед и опустил кисти в воду. Крокодил сел рядом.

– Я вообще этого не умею, – признался. – У нас считается, что это невозможно.

– Я дома тренировался, – сказал Тимор-Алк, не слушая его. – Я укладывался в пятнадцать запросто. А здесь не могу.

– Почему?

Зеленоволосый пожал плечами:

– Они меня не любят.

– Ну и что?

– Идет отток энергии. Не успеваю восстановиться.

– А тебе надо, чтобы тебя любили?

Тимор-Алк криво усмехнулся:

– Достаточно нейтрального фона.

– Да, – спохватился Крокодил, – а почему они тебя не любят? За то, что ты метис?

Тимор-Алк кивнул.

– Это называется ксенофобия, – заметил Крокодил авторитетно. – И, вообще-то, недостойно цивилизованного общества.

– Здесь у нас не цивилизованное общество, – сказал Тимор-Алк. – Здесь остров, если ты заметил.

– погоди. Если дело в том... Я ездил на монорельсе, встречал разных людей, их не раздражало, что я мигрант! Я видел еще одного мигранта, он совсем синий... Почему для этих парней так принципиально, что ты полукровка?

Парень посмотрел исподлобья. Встал, покачнулся и еле удержался на ногах:

– Нет времени на разговоры. Я пошел их догонять.

– Удачи, – подумав, отозвался Крокодил.

– А ты?

– Не знаю, – он в самом деле не знал. – Я не умею затягивать раны своей волей.

Алк помедлил. Наклонился и выискал в густой траве жесткий лист, формой похожий на полумесяц.

– Вот, пожуй, положи на рану. Сдать регенерацию не поможет... Но порез заживет быстрее.

– Спасибо!

– Тебе надо было ехать обратно, – сухо сказал Алк. – Когда Махайрод сказал.

– Кто сказал?

Парень поморщился:

– Айра... Тебе вообще не стоило сюда приезжать.

Крокодил выругался сквозь зубы. Заинтересовавшись, повторил ругательство. Привычный смысл куда-то испарился, вытесненный поэтически-грязным образом «соплей из многих дыр».

– Не давай мне советов, парень. Почему бы тебе самому не уехать? Почему не стать зависимым гражданином? Это, говорят, совсем не больно!

Тимор-Алк посмотрел на свою руку со шрамом. Сжал пальцы в кулак и повторил ругательство, только что произнесенное Крокодилом. И по тому, как прозвучал голос мальчишки, Крокодил вдруг догадался: такими словами парень вообще ругается впервые.

Пели птицы в лесу, звенели насекомые, где-то в отдалении ворчал водопад. Тимор-Алк, не глядя больше на Крокодила, пошел в лес; он шагал медленно, осторожно ставя на землю босые ступни. Потом шумно вздохнул – и перешел на бег.

* * *

Он вернулся в лагерь, пустой в этот час, нашел устройство наподобие зажигалки, развел костер, насобирав грибов и съел их, побаловав себя припрятанным ломтиком мяса от вчерашнего пира.

Ситуация представлялась безвыходной.

С первых дней на Раа ему дали понять, что перевод на Лимб невозможен. На Кристалл – тем более. О Земле и речи не идет: поезд, как говорится, ушел. Пригодное для миграции время Лимба тоже лежало в прошлом Земли, но не так глубоко, как время Раа; жуя мясо, Крокодил думал, что когда он шел, ни о чем не подозревая, по своей туманной, слякотной улице – тогда на месте Раа было облако пыли, все, что осталось от остывшего солнца и распавшейся в прах планеты. Придет время, на Земле расплодится человечество, а вся эта темная зелень, сиреневая вода, дурацкие законы исчезнут бесследно. Стоит ли морочиться, сдавать экзамены по скоростному заживлению ран, огорчаться статусу зависимого гражданина, если к моменту рождения Крокодила от их цивилизации не останется камня на камне?

Погаснут спутники. Умрут все нынешние обитатели, и их далекие потомки, и потомки потомков. А на Земле не будет еще изобретено колесо. Идеальный способ избежать временного

парадокса: не родились еще бабочки, на которых можно наступить, изменяя ход истории. Да и не сможет бабочка улететь так далеко от дома.

Дурацкие ножны болтались на боку и раздражали. Очень хотелось снять их и зашвырнуть в лес, но Крокодил удержался: еще потребуют сдать инвентарь, а за утерю или порчу – вычтут из ресурсов будущего «хозяина-опекуна»...

При мысли о том, что сопливые мальчишки уедут с острова с удостоверениями гражданина на шее, а он, Крокодил, на всю жизнь окажется в статусе недееспособного, ребенка, невольника, – при этой мысли у него волосы поднялись дыбом. Хозяин-опекун, что за иезуитская формулировка! Это даже не рабовладение, скорее патернализм: некто сильный опекает слабенького, неспособного без надзора и контроля устроить свою жизнь. Ведь он «не хозяин себе» – значит, ему полагается внешний хозяин!

Крокодил стукнул кулаком по земле и тихо взвыл от боли: порезанная рука затянулась, но не зажила совсем.

От реки послышались голоса. Видимо, отряд Айры возвращался другой дорогой; похоже, инструктор снова разрешил парням купаться. Хохот, плеск, визг живо напомнили Крокодилу летний лагерь отдыха. Если бы не эти тесаки, не регенерация, не густая светлая кровь Тимор-Алка...

Крокодил встал и сошел к берегу.

Айры поблизости не было. Ребята забавлялись: вчетвером держа Тимор-Алка, они опустили его голову под воду и там, у самого дна, «отмывали» песком.

– Еще потри! Он нормальный, он не зеленый, он прикидывается! – вопил круглоплечий, коротко стриженный парень, имени которого Крокодил не помнил. – Потри еще песочком, зеленка сойдет!

Тимор-Алк вырывался, напрасно тратя кислород.

Крокодил подобрал камень, скользкий от ила, и, не размахиваясь, кинул в широкую спину пацана, державшего Тимор-Алка за ноги. Камень, размером с кулак, попал в правую лопатку, и попал ощутимо: парень дернулся и выпустил жертву. Тимор-Алк забился сильнее, воспользовался замешательством мучителей и вырвался: зеленый, как река. Закашлялся, хватая воздух ртом.

– Храбрые? – спросил Крокодил, не повышая голоса. – Все на одного?

Ему очень хотелось драться, и число врагов не смущало. Мальчишки на секунду растерялись. Тот, в которого Крокодил попал камнем, пытался извернуться, чтобы потерять спину.

– Мигрант, – сказал круглоплечий, опомнившись.

– А мы думали, ты уже уплыл, – сказал ушибленный камнем. – И уже над тобой опекунство оформили.

– Ну, ничего, успеешь, оформят завтра, – подхватил длинноволосый Камор-Бал. – Знаешь, полный гражданин с зависимым никогда не спорит...

Крокодил оскалился. Если бы ребята намеренно искали неприятностей – не могли бы подобрать слов удачнее.

– Ты, значит, полный гражданин?

Он шел на них, совершенно не задумываясь, что их много. Они были мальчишки, и Крокодил, как мужчина, даже не собирался бить их – только поставить на место.

– Ты, полный гражданин, как-тебя-там? А ну, иди сюда!

Набывчившись и сузив глаза, Камор-Бал все-таки сделал несколько шагов ему навстречу. Они встретились на отмели – по колено в воде. На пацане не было рубашки, чтобы сгрести за грудки, зато очень удачно лежал на плече хвост из собранных длинных волос – мокрых, слипшихся.

Обманным движением Крокодил заставил Камор-Бала повернуть голову, схватил его за волосы и сильно рванул вниз. Парень упал на четвереньки, в воду. В ту же секунду на Кроко-

дила наскочили сразу двое – щуплые, но цепкие, они дрались по-женски, в основном когтями. Крокодилу расцарапали щеку и заехали пяткой в колено; он раскидал мальчишек, те повалились в реку. В это время Камор-Бал, красный от унижения, выхватил из деревянных ножен свой тесак.

Крокодил даже не понял, в чем дело. Мальчишка шел на него, держа тесак не очень умело, но уверенно. Крокодил не вспомнил, что у него есть точно такой же; единственное, что его занимало, – успеет ли он перехватить пацана за запястье.

– Стой! – хрипло крикнул Тимор-Алк. – Оглянись!

Крокодил удержался и не оглянулся. Зато Камор-Бал попался – быстро глянул через плечо, и тут же отпрыгнул, попятился от Крокодила, опустил тесак.

На берегу стоял Айра – с видом посетителя зоопарка, наблюдающего любопытную, но вполне заурядную сценку.

– Костры жжем, – сказал он как ни в чем не бывало, – рыбу чистим, жарим, ужинаем. После ужина – сбор.

И, неслышно ступая, скрылся в лесу в направлении лагеря.

* * *

В этом собрании не было ничего ни от пионерских посиделок, ни от дикарских ритуалов – казалось, речь идет о консультации перед вступительным экзаменом в какой-нибудь серьезный вуз, только вместо огромной аудитории дело происходит в лесу. Подростки сидели на стволах, камнях и просто на траве; небо почернело, в рамке из темных крон плыли спутники, как медленные электроны.

– Завтра утром придет лодка, – сказал Айра. – Редко так бывает, чтобы кто-то из соискателей выбыл в первый же день. Ваша группа отличилась. Один из вас поедет домой уже завтра.

Крокодил сидел в стороне, у него не было сил спорить, возмущаться и подавать апелляции.

– А может, и не один, – Айра разглядывал притихших мальчишек с безжалостным интересом. – Подумайте хорошо. Я бы отправил троих... Но один уедет точно. И зовут его...

Крокодил не поднял головы.

– И зовут его Камор-Бал, – жестко закончил Айра. – Без права пересдачи.

Крокодил вскинулся.

Ребята сидели лицами к догорающему костру. Почти никто не шевельнулся. Только Камор-Бал резко встал, его голая грудь поднималась и падала, как у загнанного:

– Почему? Почему я?!

Крокодил с удивлением понял: парень вовсе не чувствует себя невиновным.

– А ты не знаешь? – Айра кротко улыбнулся. – Тогда непонятно, зачем ты вообще приехал на остров, Камор-Бал.

Глухо зароптали сразу несколько голосов. Крокодил почувствовал на себе взгляды.

– Исключения ради я объясню, – сказал Айра. – Все-таки в группе мигранты, – он поглядел на Крокодила. – Ты поднял оружие на человека – не защищая жизнь, не обороняя свой дом, а в рамках конкурентной борьбы за статус.

– Он меня оскорбил! – пролепетал Камор-Бал.

– Он дернул тебя за волосы, ты не стерпел, понимаю. Андрей, – Айра кивнул Крокодилу, – все было очень точно сделано, спасибо.

Ропот сделался громче. Камор-Бал стоял, покачиваясь, – ему предстояло возвращаться домой и оставаться зависимым – ребенком, калекой, больным – до конца своих дней. Без права пересдачи. На парня страшно было смотреть в эту минуту.

Крокодил поднялся.

– Я его не провоцировал, – он оглядел обращенные к нему лица, горящие злые глаза и прямо посмотрел на Айру. – Не делай из меня...

Он хотел сказать «не делай из меня Иуду», но на его новом родном языке такой оборот оказался невозможным.

– Не представляй все так, будто я его специально довел! Я бы сам его с удовольствием прирезал – он достал меня...

– Не волнуйся, ты поедешь, скорее всего, следующим, – Айра кивнул. – Регенерировать ты не умеешь и много чего не умеешь, и не успеешь научиться за двадцать дней. Если бы ты вытащил тесак – вы бы уехали вдвоем. Но ты не вытащил. Я прав? – он оглядел сидящих.

– Айра, – Крокодил заставил себя быть спокойным, – можно тебя на пару минут? Я хочу с тобой поговорить.

– О чем? – удивился Айра.

– Две минуты. Отойдем на две минуты, – Крокодил очень хотел быть убедительным.

– Ладно, – Айра ухмыльнулся. – Отбой, претенденты. Камор-Бал, лодка завтра в первый час рассвета на старом месте. Дорогу найдешь?

Камор-Бал не ответил.

Айра отошел от костра в темноту, расцвеченную огоньками светлячков. Крокодил догнал его. За спиной, у костра, заговорили все сразу – и громко.

– Послушай, – Крокодил остановился, преграждая Айре дорогу. – Оставь пацана. Зачем ты ему жизнь ломаешь?

В полумраке лицо Айры сливалось с ночным лесом. – Ты слышишь? Зачем ты ломаешь мальчишке жизнь? Из-за меня – ну ладно, я мигрант, я взрослый... А с ним так поступать – зачем?

– Ты чувствуешь вину, – слышно было, что Айра ухмыляется. – Это хорошо.

– При чем тут я?!

– При чем тут он? Тебе нет до него дела, чужой мальчишка, прошел он Пробу или нет – тебе-то что? Но тебе кажется, что ты виноват. Правильно кажется.

Крокодил почувствовал, как устал сегодня, как болит все тело и ноет порезанная рука. В темноте наступил на корень, выпиравший из влажных слежавшихся листьев. Зашипел от боли в потревоженной пятке.

– Порез затянул? – спросил Айра.

– Нет.

– Поезжай с Камор-Балом. Скрась бедолаге этот путь.

– Это приказ?

– Это совет.

– Не поеду.

– Дело времени... Знаешь, зачем им дают ножи?

Зачем нужны тесаки помимо чистки рыбы, изготовления рогов с острожками и нанесения стандартных порезов для регенерации?

– Зачем?

– Это часть испытания. Человек – полноправный гражданин – может бить товарищу морду, но не поднимет на него оружия. Поднял – все, свободен, внутренняя незрелость.

– Но можно воспитать... – начал Крокодил.

– Во-первых, я не воспитатель. Во-вторых, незрелость в таком возрасте не поддается коррекции.

В-третьих... – Айра прищурился. – Я серьезно, поезжай с ним. Решайся.

– У вас не бывало войн? – спросил Крокодил. – Вы принципиально отказываетесь от оружия, вы...

Он хотел сказать «пацифисты», но не нашел подходящего слова: на языке вертелись архаичные «миролюбцы» с огромным веером побочных значений.

Айра чуть улыбнулся:

– Стало быть, на курс истории и культуры Раа у тебя не хватило духу?

Крокодил устыдился.

– Успеешь, – мягко заметил Айра. – На профессиональных курсах, куда тебя определит хозяин-покровитель.

– Почему тебе так важно, чтобы я не прошел Пробу?

– Ты уже научился регенерировать?

Крокодил промолчал.

– Сегодня я тебя оставил только затем, чтобы все прочувствовали урок Камор-Бала, – сказал Айра. – Чтобы подчеркнуть событие.

– И чтобы им было кого ненавидеть.

Айра хмыкнул:

– Я работаю, знаешь ли. Мне нужно, чтобы они были все время в экстремальных условиях. Это трудно, да. Это Проба.

Глава третья

Это была уже вторая бессонная ночь. Крокодил прекрасно знал, что завтра с рассветом придется подниматься и бежать куда-то до полного изнеможения и отчитываться в способности летать без крыльев, например. Или есть червяков. Или дышать под водой. Ему было все равно.

Он бродил один по лесу, освещенному звездами, спутниками и светляками в траве. Звенели цикады или какие-то их местные аналоги. Становилось холодно, Крокодил размахивал руками, чтобы согреться. Он пробежался бы, но сбитые ноги болели.

Потом он услышал шорох в кустах. На месте Камор-Бала, подумалось ему, я выждал бы момент и зарезал обидчика насмерть. Зависимый гражданин вроде бы не может нести уголовную ответственность...

В кустах обнаружилось небольшое животное вроде лисы, но с голой кожей. Уродливая и одновременно трогательная тварь. Крокодил разглядел ее, когда она пересекала полянку – рассеянный свет отражался на шкуре зверюги, гладкой, будто натертой маслом. Мелькнули в полумраке огромные глаза: животное вело ночной образ жизни и не хотело, чтобы ему мешали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.